

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

СЬЮЗЕН ВИГГС

HARLEQUIN®
Romance

РЕЦЕПТ
СЧАСТЬЯ

Мозаика, в которую по кусочкам
собраны прошлое и настоящее,
семейная история и личные драмы
Publishers weekly

Romance – Harlequin

Сьюзен Виггс

Рецепт счастья

«Центрполиграф»

Виггс С.

Рецепт счастья / С. Виггс — «Центрполиграф», — (Romance – Harlequin)

В ту зимнюю ночь Дженни Маески потеряла все. Ее дом сгорел, и огонь уничтожил фотографии, дневники и, что самое печальное, старинные бабушкины рецепты. Уже много лет Дженни владела пекарней в Авалоне и вела кулинарную колонку в местной газете, мечтая когда-нибудь написать книгу. Начальник полиции Рурк Макнайт приютил ее в своем доме. Когда-то Дженни была помолвлена с его лучшим другом. Все эти годы между ней и Рурком существовало взаимное притяжение, но по негласному правилу они старались друг друга избегать. Будто сама судьба подсказывала Дженни, что пора расстаться с прошлым и тогда мечты о писательской карьере и счастливой семье смогут стать реальностью.

© Виггс С.

© Центрполиграф

Содержание

Пища для размышлений от Дженни Маески	5
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	33
Глава 5	39
Пища для размышлений от Дженни Маески	47
Глава 6	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Сьюзен Виггс

Рецепт счастья

*Светлой памяти моих бабушки и дедушки, Анны и Николаса
Клистов*

Пицца для размышлений от Дженни Маески

КОЛАЧИ¹ ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ

Странно, что многих пугает необходимость использования дрожжей. Хозяйки обычно торопятся перелистнуть страницу, если они значатся в списке ингредиентов. Однако бояться нечего.

Тесто для колачей готовится легко. Оно получается эластичным и тягучим, так что вы почувствуете себя настоящим профи. Как говаривала моя бабушка Хелен Маески: «В пекарском деле, как и в жизни, мы знаем намного больше, чем думаем сами».

Основа для колачей

- 1 столовая ложка сахарного песка
- 2 пакетика сухих дрожжей
- $\frac{1}{2}$ чашки теплой воды
- 2 чашки молока
- 6 столовых ложек чистого несоленого сливочного масла
- 2 чайные ложки соли
- 2 слегка взбитых яичных желтка
- $\frac{1}{2}$ чашки сахарного песка
- $6\frac{1}{4}$ чашки муки
- $1\frac{1}{2}$ брусочка растаявшего сливочного масла

Насыпьте дрожжи в мерный стакан и добавьте 1 столовую ложку сахарного песка. Добавьте теплую воду. Насколько теплой? В большинстве поваренных книг указывается температура 40–45 «С. Опытные повара могут определить температуру, капнув воду на запястье. Начинающим необходимо воспользоваться термометром. Слишком горячая вода испортит ингредиенты.

В небольшой кастрюле подогрейте молоко. Добавьте сливочное масло и помешивайте, пока оно не растает. Отсудите молоко, чтобы оно было чуть теплым, и вылейте в глубокую миску. Добавьте соль и сахар. Потом тонкой струйкой влейте яичные желтки и взбейте мутной. Продолжая взбивать, всыпьте в массу дрожжи.

Добавьте чашку муки. Когда тесто станет густым, начинайте месить его руками. Тесто должно получиться гладким и клейким. Продолжайте месить тесто и добавлять муку, пока поверхность теста не станет глянцевой. Придайте тесту шарообразную форму и положите его в глубокую миску. Накройте влажным полотенцем и поставьте в теплое безветренное место. Примерно через час теста станет вдвое больше. Моя бабушка обычно оставляла пальцами две вмятинки сверху, и если спустя час они все еще были видны, тогда тесто считалось подняв-

¹ Это именно колачи, потому что они другой формы, нежели русский калач, вот как это выглядит: <http://cs.wMpedia.org/wiM/Kola>. (Здесь и далее примеч. пер.)

шимся. Теперь надавите на тесто ладонью, чтобы сжать его. Вы услышите тихий шипящий звук, и от теста распространится запах дрожжей.

Отделите от теста кусочки размером с яйцо и скатайте их в шарики. Поместите их на смазанный подсолнечным маслом противень на расстоянии нескольких дюймов друг от друга. Подождите 15 минут, чтобы дать шарикам снова подняться, а потом надавите на каждый большим пальцем, образуя ямку для фруктовой начинки. Польские пекари постоянно спорят о том, какую именно начинку нужно использовать. Моя бабушка никогда в этих спорах не участвовала. «Делайте то, что вкусно» – вот что всегда было ее девизом. Подойдет малиновое варенье, нарезанные персики, сливы или сладкий сыр.

Теперь сделайте попсику. Смешайте $\frac{1}{2}$ чашки растаявшего сливочного масла, чашку сахара, $\frac{1}{2}$ чашки муки и чайную ложку корицы. Полейте попсику колачи. После поместите противень в теплое место – например, на холодильник – на 45–60 минут, чтобы тесто снова поднялось. Нагрейте духовку до 190 «С. Выпекайте колачи 20–40 минут до золотистой корочки. Особое внимание уделите нижней части колачей. Они могут легко подгореть, если противень расположен близко к огню.

Выньте противень. Смажьте колачи сливочным маслом и дайте им остыть. По рецепту получается около тридцати колачей.

Моя бабушка говорила, что не стоит задумываться о том, сколько времени занимает приготовление выпечки. Ведь это – акт любви, а кто волнуется о том, сколько времени отнимает любовь?

Глава 1

Дженни Маески отодвинулась от письменного стола, потянулась и потерла ноющую поясницу. Что-то – возможно, глубокая тишина пустого дома – разбудило ее в три часа ночи, и заснуть Дженни больше не смогла. Надев старый халат и сунув ноги в пушистые тапочки, она решила поработать над своей статьей для газеты и склонилась над ноутбуком. Однако вдохновение не шло точно так же, как сон.

Дженни хотелось написать о многом, хотелось рассказать множество историй, но как можно вместить воспоминания и кухонные премудрости целой жизни в одну лишь еженедельную колонку?

К тому же ей всегда хотелось написать нечто крупнее статьи. Намного крупнее. Дженни поняла, что вселенная больше не принимает ее отговорок. Она должна написать эту книгу.

Как и всякий хороший писатель, Дженни медлила. Она взяла в руку обручальное кольцо своей бабушки, которое лежало на фарфоровом блюдечке на столе. Дженни еще не решила, что будет делать с этим простым золотым кольцом, которое Хелен Маески носила все свои пятьдесят лет замужества и еще десять лет вдовства. Когда бабушка пекла, она всегда снимала кольцо и прятала его в кармане передника. Удивительно, как она его не потеряла. Однако бабушка попросила Дженни не хоронить ее вместе с ним.

Дженни покрутила кольцо на кончике указательного пальца. Она представила бабушкины руки: сильные и уверенные, когда та месила тесто, нежные и легкие, когда гладила внучку по щеке или трогала ее лоб проверить, нет ли температуры.

Дженни надела кольцо на палец и сжала руку в кулак. У нее было собственное обручальное кольцо, подаренное и принятое с головокружительными надеждами. Однако она его так и не надела. Сейчас это кольцо покоилось на дне ящика стола, и Дженни туда никогда не заглядывала.

В это темное время суток Дженни трудно было не думать о тех, кто ушел из ее жизни. Мать оставила ее, когда она была совсем крошкой. Дедушка умер. Но больше всего Дженни скучала по бабушке.

Со дня похорон прошло всего несколько недель. После первой волны звонков с соболезнованиями и визитов друзей наступило затишье, и Дженни до глубины души прочувствовала, что осталась абсолютно одна. Да, ее окружали заботливые друзья, сотрудники были для нее почти семьей. Но бабушки, которая вырастила Дженни, как свою дочь, больше не было.

По привычке Дженни сохранила свою работу на ноутбуке. Она плотнее закуталась в халат, подошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу, глядя в темную зимнюю ночь. Снег сглаживал все неровности ландшафта. В это ночное время Мэйпл-стрит была абсолютно пустынна и купалась в бело-сером свете единственного на весь квартал фонаря. Дженни жила здесь всю жизнь. Бесчисленное множество раз она стояла на этом самом месте в ожидании... чего? Перемен. Чего-то нового.

Дженни беспокойно вздохнула. Ее дыхание затуманило оконное стекло. Снежинки смешались густыми хлопьями, которые кружили возле фонаря, приглушая его свет. Дженни всегда любила снег. Глядя на укрытый снежным одеялом ландшафт, она вспоминала, как, будучи ребенком, забиралась на холм вслед за дедушкой. Шла по его следам, прыгая из одной ямки в другую, волоча за собой санки на веревке.

Бабушка и дедушка были с Дженни все детство. Теперь, когда их не стало, никто уже больше не скажет ей: «А помнишь, как ты...»

Мать оставила Дженни, когда ей было четыре года, а отец был для нее незнакомцем, с которым она встретилась лишь полгода назад. Дженни решила воспринимать это как благо-

словение. Исходя из того, что она знала о своих биологических родителях, никто не воспитал бы ее лучше, чем Хелен и Лео Маески.

Какой-то шум – глухой стук, а потом скрип – заставил Дженни вздрогнуть, отвлекая от размышлений. Она подняла голову, прислушиваясь, но пришла к выводу, что это снег или сосульки упали с крыши. Никогда не знаешь, насколько тихо может быть в доме, пока не останешься в нем совсем одна.

С тех пор, как умерла бабушка, Дженни часто просыпалась среди ночи. Ее голова была полна воспоминаний, которые требовали, чтобы их записали. И все они, словно аромат выпечки, исходили из бабушкиной кухни. Почти всю свою жизнь Дженни вела дневник, а несколько лет назад ее привычка превратилась в ведение еженедельной колонки в газете «Авалонский трубадур», в которой Дженни излагала рецепты, свои знания в области приготовления пищи и анекдоты. Бабушка умерла, и теперь не у кого было искать совета, спрашивать о происхождении какого-нибудь ингредиента или пекарских техниках. Дженни оставалось полагаться лишь на себя, и она боялась, что скоро все забудет.

Эта мысль подвигла Дженни к действиям. Она хотела переписать старые бабушкины рецепты, которые были записаны на польском на ветхой, пожелтевшей бумаге. Рецепты хранились в кладовке в тонкой коробочке, которую не открывали многие годы. Не обращая внимания на то, что часы показывали половину четвертого утра, Дженни спустилась по лестнице. Ступив на порог кладовки, она почувствовала до боли знакомый аромат бабушкиных пряностей, запах муки и хлеба. Дженни встала на цыпочки и потянулась к полке за старой жестяной коробкой. Потеряв равновесие, она ее выронила, и все содержимое вывалилось к ее ногам.

Дженни ругнулась, чего она никогда бы не стала делать при бабушке. Осторожно передвигаясь на цыпочках, она старалась не наступить на ветхие бумаги. Теперь ей требовался фонарик, потому что в кладовке не было света. Дженни нашла его в ящике с инструментами, но батареек в нем сели, а в доме не было ни одной новой. Дженни хотела зажечь свечу, но побоялась, как бы чего-нибудь не случилось с рецептами. Она оперлась о кухонный стол и возвела глаза к потолку.

– Прости меня за это, бабушка, – сказала Дженни.

Взглядом она нашла детектор дыма.

«Ага», – подумала Дженни. Она встала на табуретку, открыла детектор, извлекла из него две батарейки и вставила их в фонарик.

Дженни направилась обратно в кладовку и аккуратно собрала бумаги, которые шелестели, как сухие осенние листья. Она уложила их обратно в коробку и принесла на кухню. На них были записаны рецепты и сделаны пометки на родном языке ее бабушки, польском. На обратной стороне одной из пожелтевших страниц с потрепанными краями Дженни заметила изящную выцветшую подпись – *Helenka Maciejewski*, десять раз выведенную девичьей рукой. Бабушка носила такое имя до того, как оно было англоизировано. Должно быть, она писала на этом листке, будучи еще молодой невестой.

Но Дженни уже никогда не узнает некоторых вещей о своих бабушке и дедушке. Как они чувствовали себя, поженившись почти детьми, оставляя единственный дом, который знали, чтобы начать новую жизнь в другой точке мира? Им было страшно? Им это нравилось? Они ссорились или, наоборот, держались друг за друга?

Дженни закрыла глаза. У нее снова начался приступ паники. Это чувство зарождалось где-то в области живота и пробивалось вверх, сдавливая грудь. Приступы паники являлись для Дженни чем-то абсолютно новым, мрачным и неожиданным открытием. Первый случился с ней в больнице, когда она уже без всяких эмоций выполняла обязанности ближайшей родственницы Хелен Маески.

Дженни подписывала какие-то бумаги, когда пальцы ее левой руки вдруг онемели. Она выронила ручку и схватилась за горло.

– Не могу дышать, – сказала Дженни санитару. – Кажется, это сердечный приступ.

Усталый врач, осмотрев Дженни, объяснил ей все спокойным, сочувствующим тоном. Нередко сильный приступ может являться физическим выражением душевных переживаний, а его симптомы быть ощутимыми и пугающими, словно это какое-то заболевание.

С тех пор Дженни уже не раз сталкивалась с этими симптомами. Неужели практичная, уравновешенная Дженни Маески могла испытывать такое неконтролируемое и иррациональное чувство, как приступ паники? Она не могла остановить его, неприятное ощущение разрасталось внутри, словно по ее горлу ползло полчище пауков. Сердце, казалось, вот-вот разорвется.

С безумным видом Дженни осмотрелась в поисках коробочки с таблетками, которые ей дал доктор. Таблетки Дженни ненавидела почти так же сильно, как и приступы паники. Почему она не может сама избавиться от них? Почему не может справиться с ними, успокоить себя чашечкой крепкого кофе и бабушкиными колачами с абрикосовым вареньем?

Это, по крайней мере, помогло бы Дженни отвлечься. Прямо сейчас, в четыре утра. Наверное, единственным местом в Авалоне, где люди сейчас не спали, являлась пекарня «Скай-Ривер», основанная в 1952 году супругами Маески. Хелен специализировалась на колачах с фруктовой или сырной начинкой и на пирогах, которые стали местной легендой. Она получала заказы на выпечку от ресторанов и специализированных магазинов, расположенных на городской площади. Эти магазины обслуживали туристов, которые приезжали из Нью-Йорка провести в Авалоне лето среди зеленой прохлады или посмотреть на огненные краски осени.

Теперь Дженни являлась единственной владелицей пекарни. Она быстро оделась, натянув на утепленное нижнее белье брюки и толстый шерстяной свитер, обула высокие теплые ботинки, надела куртку и шапку. На машине Дженни выехать не могла, так как снегоборщики еще не расчистили дороги. Кроме того, прежде, чем вывести машину из гаража, требовалось поработать лопатой, чего Дженни сейчас делать совсем не хотелось. Пекарня находилась всего в шести кварталах отсюда, на главной площади в центре города. Дорога туда займет всего несколько минут. Возможно, физическая нагрузка также поможет справиться с приступом.

На всякий случай Дженни нашла коробочку с таблетками и положила к себе в карман.

Прихватив сумочку, она шла сквозь морозную тишину. Снегопад прекратился, облака рассеялись, уступив место звездам. Свежий снег скрипел под ногами. Дженни шла по дороге, по которой ходила, когда была еще маленькой девочкой. Она выросла в пекарне, среди пьянящего аромата хлеба и пряностей, под звуки мешалок и раскаточных машин, сигналы таймеров и грохот тележек.

Над черным входом горела одна-единственная лампочка. Потопаив ногами, чтобы стряхнуть снег с ботинок, Дженни зашла внутрь. Пройдя через чистое подсобное помещение, она сняла ботинки и взяла с полки сменную обувь.

– Это я, – сказала Дженни, оглядывая пекарню.

Как всегда, здесь царил идеальный порядок. У стены стоял ровный ряд мешков со свежемолотой мукой, а рядом – металлические бочки с медом. Контейнеры с ингредиентами для деликатесов стояли на полках высотой до самого потолка. Просо, кедровые орехи, оливки, изюм, орех пекан. Холодильники из нержавеющей стали, духовые шкафы и рабочие столы отражали свет подвесных ламп. В воздухе витал концентрированный запах дрожжей и корицы. Радио надрывалось песней группы Three 6 Mafia², что являлось признаком того, что в сегодняшнюю смену работал Зак. Сквозь мелодию слышалось жужжание тестомесильной машины.

– Эй, Зак! – крикнула Дженни, пытаясь отыскать парня взглядом.

² Рэп-группа из города Мемфис, штат Теннесси, которая в 2006 году получила «Оскар» в номинации «Лучшая песня» за песню It's Hard out Here for a Pimp к фильму «Суэта и движение».

Он вынырнул из-за перегородки и толкнул вперед тележку с тестом. Зак Алджер, который теперь заканчивал школу, работал в пекарне уже два года. Он не гнушался работой в ранние утренние часы и в школу отправлялся всегда с сумкой свежей выпечки. Во внешности Зака преобладали нордические черты: светло-голубые глаза, очень светлые волосы. Он был высоким, худощавым и имел серьезный вид.

– Что-то случилось? – спросил Зак.

– Не спится, – ответила Дженни, чувствуя себя немного смущенной. – А Лора здесь?

– Лепит хлеб. – Зак указал на отгороженный кабинет и покатил тележку с тестом дальше.

Лора Таттл занималась пекарским делом уже тридцать лет, из них двадцать пять – в качестве главного пекаря. Свое дело она знала лучше Дженни. Лора любила работать рано утром. Такое расписание прекрасно совпадало с ее биологическими часами.

– Посмотрите-ка, кто пришел, – пошутила Лора, не поднимая головы.

– Я ужасно хочу колач.

Дженни прошла через двустворчатую дверь в кафе, налила себе кофе и взяла с витрины вчерашний колач. Потом она вернулась в подсобное помещение, наслаждаясь знакомым вкусом. Но спокойнее на душе не становилось. По привычке Дженни сняла с крючка фартук.

Дженни редко работала руками. Как владелица и директор предприятия, она выполняла функции контроле – ра и администратора. На втором этаже располагался ее кабинет. Окнами он выходил на городскую площадь. В нем находился монитор системы безопасности, который показывал кассу кафе. Большинство рабочих дней Дженни наводняли хлопоты о работниках, поставщиках, заказчиках, клиентах и органах контроля. Иногда ей казалось, что телефонная трубка приклеилась к уху, а глаза – к экрану монитора. Но порой, рассудила Дженни, нужно просто закатать рукава и окунуться в работу с головой. Ничто не сравнится с чувством, возникающим при погружении рук в теплое шелковистое тесто. Сминающееся под пальцами, оно кажется чуть ли не живым.

Дженни надела фартук и села за рабочий стол к Лоре. Она придавала хлебам форму и делила на несколько партий. Сегодня в продаже будет традиционный польский хлеб с яйцом, цедрой и изюмом и травяной хлеб по рецепту, придуманному Лорой. Дженни и Лора работали бок о бок, отмеряли порции теста с помощью линейки, хотя обе уже давно умели делать это на глаз. Здесь же, напротив, находился холодильник, заполненный бабушкиными пирогами. С технической точки зрения эти пироги были сделаны не Хелен Маески. Но сами рецепты высоких лимонных безе, пирогов с глянцевой ягодной начинкой из трех видов ягод, пересеченной сверху тонкими полосками теста, кремового пирога на пахте придумала сама Хелен много лет тому назад. Ее технологии передавались от одного мастера к другому, и сейчас, даже после смерти Хелен, в пекарне ощущалось ее приятное, тихое присутствие, словно она все еще была жива.

Дженни со странной отрешенностью лепила из теста большие круглые хлебы. Она смотрела на свои белые от муки руки и видела руки бабушки. Бабушка всегда поднимала и поворачивала тесто с терпением, которого Дженни в себе не замечала. Тот факт, что она умерла, пронзил Дженни до глубины души. Прошло три недели, два дня и четырнадцать часов. Дженни точно знала, сколько времени она живет одна, и ненавидела это.

Лора продолжала работать. Один за другим она помещала смазанный подсолнечным маслом хлеб на противень. Ее голова двигалась в ритме музыки, доносившейся из радиоприемника. Лоре нравилась музыка, которую слушал Зак, хотя Дженни подозревала, что Лора не особо вслушивается в слова песни.

– Ты скучаешь по ней, да, куколка? – спросила Лора. Она была очень добрым человеком, и иногда казалось, что умеет читать мысли.

– Очень, – призналась Дженни. – Хотя я считала, что готова к этому. Не знаю, почему я так шокирована. У меня плохо получается. Вообще-то никак не получается. Не получается оплакивать ее, не получается жить одной.

Дженни расправила плечи и попыталась стряхнуть приступ паники и уныния. Но самое страшное: она не смогла это сделать. Дженни не контролировала себя и, даже чувствуя, что теряет голову, ничего не могла с этим поделать.

Откуда-то из темноты донесся вой сирены. Звук все нарастал, превращаясь в безумный крик. В ответ ему завывали собаки. Дженни повернулась и посмотрела в окно полутемного кафе. Город Авалон штата Нью-Йорк был достаточно маленьким, чтобы вопль сирен в ночи привлек внимание людей. Вообще-то последний раз Дженни слышала сирену, когда вызвала врачей.

Ей не позволили сесть в «скорую помощь» вместе с бабушкой. Дженни ехала следом на своей машине до самого Бенедиктинского госпиталя в Кингстоне. Там она попросила бабушку аннулировать отказ от реанимации, который та подписала после первого удара. Однако бабушка ни о чем таком и слышать не хотела. Потом ее начали покидать силы, и Дженни не осталось ничего, кроме как попрощаться с ней.

Дженни ощутила новый приступ паники. Она уверенно мяла тесто, как ее научила бабушка. Любог увидевший Дженни подумал бы, что она профессиональный пекарь.

– Я выйду на улицу. Глотну свежего воздуха, – сказала Дженни Лоре.

– Я слышала звук сирены. Может, покажется Любовничек.

Любовничком Лора прозвала Рурка Макнайта, начальника авалонской полиции. Он имел репутацию, которая не могла остаться без внимания в таком маленьком городке. Дженни, конечно, избегала каких бы то ни было прозвищ. Когда-то они с Рурком были не просто знакомыми. Более того, они знали друг друга очень близко. Но было это очень давно. За несколько лет Дженни и Рурк обменивались словами только по делу. Рурк каждый день заезжал в пекарню выпить чашечку кофе. С тех пор, как Дженни стала работать в кабинете на втором этаже, они никогда не пересекались.

Для того чтобы избегать Рурка, Дженни пришлось выучить его расписание. В будние дни, как и положено начальнику полиции, Рурк сидел в своем кабинете. Но из-за небогатого муниципального бюджета ему приходилось довольствоваться низкой зарплатой и скромным штатом сотрудников. Слишком скромным даже для такого маленького городка. Рурк часто выходил по выходным на дежурство и патрулировал улицы, как обычный полицейский. Иногда он даже расчищал улицы на снегоборочной машине. Дженни делала вид, что ничего об этом не знает, что она вообще не интересуется жизнью Рурка Макнайта, а он, в свою очередь, не интересовался ею. Однако на похороны бабушки Рурк прислал цветы. И почтовую карточку, как всегда с короткой фразой: «Прости меня». Эта карточка прилагалась к букету размером с автомобиль.

Дженни натянула куртку и нырнула на улицу через заднюю дверь пекарни. Она почувствовала приближение приступа. Появился привычный звон в ушах, и словно целая армия невидимых муравьев стала ползти вверх по ее позвоночнику и голове. Грудь и горло сдавило. Несмотря на мороз, Джейн бросило в пот. Потом боковым зрением она увидела неестественные всполохи света.

Выходя в переулок, расположенный за пекарней, Дженни вдыхала воздух, но вдруг закашлялась, почувствовав едкий запах сигарет.

– Боже, Зак, – обратилась Дженни к мальчику, который стоял, прислонясь спиной к стене, – сигареты убьют тебя.

– Нет, – ответил Зак, стряхивая пепел в мусорный бак, – до того, как это случится, я брошу.

– Хах. – Дженни прочистила горло. – Все так говорят.

Она ненавидела, когда дети курят. Конечно, дедушка курил. Он делал самокрутки. Но в его время об опасности этой привычки еще мало знали. Сейчас же для курения не было никакого оправдания. Дженни взяла пригоршню снега и бросила его в сигарету. Красный огонек погас.

– Эй! – возмутился Зак.

– Ты же умный мальчик, Зак. Я слышала, что ты хорошо учишься. Так почему как дурачок?

Зак пожал плечами и соблаговолит застесняться.

– Спроси моего папу. По его мнению, я веду себя как дурак во многом. Он хочет, чтобы я весь следующий год провел на ипподроме в Саратогге, зарабатывая деньги на учебу в колледже.

Мэттью Алджер работал в городской администрации. Но, несмотря на это, по чаевым, которые он оставлял в кафе при пекарне, Дженни знала, что Алджер очень скуп. Очевидно, это качество проявлялось и в отношении собственного сына. Дженни выросла без отца и бесчисленное множество раз сожалела об этом. Но Мэттью Алджер служил доказательством того, что иногда без отца жить лучше.

– Я слышала, что если бросить курить, то можно сэкономить в среднем пять баксов в день, – сказала Дженни. Она задумалась, не странно ли звучал ее голос. Не догадался ли Зак, что ей приходится выжимать каждое слово из сдавленного горла.

– Да, я тоже об этом слышал. – Щелчком пальцев Зак отправил мокрую сигарету в мусорный бак. – Не волнуйся, – сказал он прежде, чем Дженни снова принялась его ругать, – я вымою руки перед тем, как приступить к работе.

Кажется, Зак не торопился уходить. Возможно, он собирается поговорить, предположила Дженни.

– Твой отец хочет, чтобы перед поступлением в колледж ты год поработал?

– Он хочет, чтобы я вообще работал. Постоянно рассказывает, как он учился в колледже, не получая от семьи никакой помощи, как всего добился своими силами. – В голосе Зака начисто отсутствовало восхищение.

Дженни задумалась о матери Зака. Она вышла замуж во второй раз и давным-давно жила в Сизтле. Зак о ней никогда не говорил.

– А чего хочешь ты, Зак? – спросила Дженни.

Зак, казалось, был поражен, ведь ему уже давно не задавали подобных вопросов.

– Хочу уехать далеко, в какой-нибудь колледж, – ответил Зак. – Хочу жить где-нибудь в другом месте.

Дженни понимала желания Зака. В его возрасте она была уверена, что где-то далеко ее ждет удивительная жизнь. Тем не менее Дженни нечасто куда-то выезжала.

– Значит, этого тебе и нужно добиться, – с жаром произнесла она.

Зак пожал плечами:

– Может быть, и попытаюсь. Мне надо возвращаться к работе.

Он вошел в пекарню. Дженни осталась снаружи, пытаясь выпустить пар изо рта в виде колечек. И хотя разговор с Заком быстро отвлек ее от размышлений, нарастающая паника никуда не исчезла. Теперь Дженни осталась с ней один на один. Паника кричала внутри ее, как сирены в тишине ночи. И подобно сиренам, это чувство будто становилось громче и обволакивало Дженни целиком. Потолок звездного неба непосильной ношей давил на ее плечи.

«Я сдаюсь», – подумала Дженни и сунула руку в карман, нащупывая пластиковую коробочку с лекарством. Таблетка была не больше пули для винтовки. Дженни легко проглотила ее, не запивая водой. Лекарство должно подействовать через несколько минут.

Дженни размышляла над этим удивительным явлением. Как такая маленькая таблетка может усмирить беснующееся в клетке ребер сердце и унять отвратительный шум в голове.

– Но лишь тогда, когда вам потребуется, – предупреждал доктор. – Это лекарство легко вызывает привыкание и очень опасно для здоровья.

Дженни почувствовала себя спокойнее и убрала коробочку обратно в карман.

Все еще думая о Заке, Дженни оглядела местность: район старых кирпичных зданий, служивших офисами, магазинами и ресторанами. Если бы несколько лет назад Дженни кто-то сказал, что она будет жить в Авалоне и работать в пекарне, она подняла бы его на смех. У Дженни были грандиозные планы. Она хотела уехать из этого маленького замкнутого мирка, в котором росла. Дженни собиралась отправиться в большой город, получить образование, сделать карьеру.

Возможно, было несправедливо открывать Заку маленький секрет: жизнь имеет привычку разрушать даже самые прекрасные планы. В возрасте восемнадцати лет Дженни узнала об ужасной некомпетентности системы здравоохранения, а особенно частных организаций. К двадцати одному году Дженни уже заявила о своей несостоятельности и едва держала дом на Мэйпл-стрит. У нее не возникало даже мысли о том, чтобы бросить овдовевшую и сраженную ударом бабушку.

Таблетка начала действовать. Спокойствие окутывало напряженные нервы Дженни, как снежное одеяло укрывало все неровности пейзажа. Дженни набрала полную грудь воздуха и медленно выдохнула, глядя на вырвавшееся облачко пара.

Небо на севере, в стороне Мэйпл-стрит, казалось, мерцает неестественным светом. Дженни моргнула. Возможно, это просто постэффект приступа паники. Пора ей уже к этому привыкнуть.

Глава 2

Из радиопередатчика полицейской машины Рурка Мак-найта донесся тревожный сигнал сирены, а следом за ним голос полицейского:

– В доме номер 472 по Мэйпл-стрит все чисто.

Рурк похолодел.

Это был дом Дженни.

Рурк находился на другом конце города, но, как только поступил сигнал, тут же помчался к дому Дженни. Из-под колес его автомобиля вырывались волны снега и песка. Рурк увеличил скорость. Машину заносило на скользкой дороге. Рурк связался с диспетчером:

– Я в пути. До связи.

Несмотря на то что внутри Рурка разыгралась настоящая буря эмоций, его голос был на удивление спокойным.

Общие сведения сводились к тому, что объект – о боже, дом Дженни! – полностью охвачен пламенем. Притом Дженни нигде не обнаружили.

К тому времени, когда Рурк добрался до Мэйпл-стрит, огонь захватил весь дом. Языки огня вырывались из окон и лизали карнизы.

Рурк припарковал машину. Одна из фар зарылась в сугроб. Он вышел из машины даже не захлопнув дверцу. Оглядел место происшествия. Пожарные, их машины, оборудование – все тонуло в мерцающем оранжевом свете. Огонь поливали из двух брандспойтов. Несколько человек откапывали из снега пожарный гидрант. Все происходило отнюдь не хаотично, а на удивление спокойно. Однако стена огня была слишком плотной, и пожарные не могли проникнуть в дом даже при полном обмундировании.

– Где она?! – закричал Рурк на пожарного, который транслировал сообщения по рации. – Да где же она?

– Девушку нигде не обнаружили, – ответил пожарный, взглянув в сторону припаркованной на обочине дороги машины скорой помощи и стоящих рядом санитаров. – Наверное, ее не было дома. Хотя... машина стоит в гараже.

Рурк направился к горящему дому Дженни. Он пылал, точно горсть щепок. В окне лопнуло стекло, и на Рурка посыпался горячий град осколков. Он моментально среагировал, прикрывая глаза рукой.

– Дженни! – крикнул Рурк.

В одно мгновение годы молчания забылись, и на Рурка нахлынула волна сожаления. Можно подумать, избегая Дженни, он мог что-то решить!

«Я идиот», – подумал Рурк. Он заклинал всех богов: «Пусть с Дженни все будет хорошо! Пожалуйста, пусть с ней все будет хорошо, и я стану всегда заботиться о ней! Больше мне ничего не нужно».

Он должен войти в дом. Ступеньки крыльца уже уничтожило пламя. Рурк поскользнулся на снегу, но удержал равновесие. Кто-то кричал ему, но он продолжал идти вперед. Задняя часть дома тоже тонула в огне, но двери не было. Ее вырубили пожарными топорами. Кричать стали еще громче. К Рурку, замахав руками, бросились несколько пожарных.

«Вот черт!» – подумал он.

Это было глупо, но Рурк совершал и более глупые вещи. К тому же рискнуть стоило. Закрыв курткой нос и рот, он вошел в горящий дом.

В этой кухне Рурк бывал множество раз. Однако сейчас ее было не узнать. Он оказался словно в огненном омуте. Здесь было нечем дышать. Рурк чувствовал, как огонь высасывает кислород из его легких. Он пытался выкрикнуть имя Дженни, но не мог издать ни звука. Лино-

леум под ногами пузырился и плавился. Дверной проем, который вел к лестнице, представлял собой прямоугольник из пламени, но Рурк все равно двинулся вперед.

Сильная рука легла ему на плечо, останавливая. Рурк попытался освободиться, но в ту же секунду, проливая дождь из горящей штукатурки, начал рушиться потолок. Пожарный вытолкнул Рурка через заднюю дверь.

– Какого черта вы делаете? – закричал он. – Шеф, отойдите от дома. Здесь небезопасно.

У Рурка першило в горле, он жадно глотал воздух и кашлял.

– Черта с два! Если вы не пошлете кого-нибудь в дом, я пойду туда сам!

На пути Рурка встал начальник пожарной охраны. Рурк узнал его с трудом.

– Я не могу позволить вам это сделать.

Ярость пронзила Рурка, словно ядовитое жало. Одним быстрым движением он оттолкнул пожарного в сторону, рывкнув:

– Отойдите!

Не говоря ни слова, пожарный отшатнулся, только его глаза в тени от шлема метали молнии.

– Послушайте, мы с вами на одной стороне! Вы же видели, что творится внутри! Вы и тридцати секунд не протянете. Мы считаем, что хозяйки нет дома, правда. Если бы она была дома, то выбралась бы из него.

Рурк разжал кулаки. Проклятие. Он чуть не врезал этому парню. И о чем он только думал?

В том-то и дело, что не думал. Это было вечной проблемой Рурка. Нужно выяснить, где сейчас Дженни. В голове Рурка один за другим возникали возможные варианты. Может, она у своей лучшей подруги Нины? В это время суток? Или у Оливии Беллами? Нет. Они хотя и были подругами, но не настолько близкими. Черт, Дженни что, встречается с каким-то парнем, которого он не знает?

Это задело Рурка. Конечно же.

«Черт». – Рурк бросился к машине.

Дженни все еще стояла на улице, дожидаясь рассвета, когда небо озарила бело-синяя вспышка света. Но ведь в середине зимы не бывает молний! Потом Дженни услышала взвизгнувшую сирену и поняла, что это огни полицейских машин. Сирены звучали где-то близко, вроде бы в районе соседнего квартала. «Кажется, выдалась тяжелая ночь», – подумала Дженни, направляясь обратно в здание пекарни. Она прошла через кухню, где Зак катил очередную тележку с тестом.

Дженни уже хотела вернуться к работе, когда в главную дверь громко постучали.

– Я открою! – крикнула Дженни Лоре и Заку и прошла через кафе, в этот час тускло освещенное неоновой вывеской с изображением кофейной чашки с завитками пара над ней. Внезапно кафе осветила синяя вспышка сирены полицейской машины. Дженни торопливо отперла дверь. Звякнул колокольчик, и внутрь в развевающемся на ветру пальто вошел Рурк Макнайт.

Начальник полиции Авалона осмотрелся. Он был чисто выбрит, широк и крепок в плечах. Несмотря на голубые глаза и светлые волосы, из-за шрама в виде полумесяца на скуле Рурк не выглядел смазливим.

– Наверняка ты заехал сюда не кофе попить, – заметила Дженни. Должно быть, это был первый раз за несколько лет, когда она заговорила с Рурком.

Он посмотрел на нее, сдерживая эмоции, и Дженни задумалась, а каково это – быть девушкой Рурка, одной из целой армии фифочек, которые одна за другой появлялись в его жизни. Вот то-то и оно, подумала Дженни. Почему она должна становиться в один ряд с фифочками?

Рурк схватил ее за плечи.

– Дженни. Ты здесь! – Его голос звучал резко и взволнованно.

Надо же, как интересно. Рурк Макнайт хватается ее за плечи, притягивает к себе, обнимает. Что же она такого сделала, чтобы заслужить это? Давно ей нужно было это сделать.

– Мне не спалось, – сказала Дженни и посмотрела на руки Рурка, которые ее обнимали. Они с Рурком не прикасались друг к другу с тех пор, как... они не прикасались друг к другу.

Казалось, Рурк понял, о чем думает Дженни, и разжал объятия, отворачиваясь к двери.

– В твоём доме произошло ЧП. Я тебя подвезу.

Несмотря на то что из-за действия таблетки Дженни воспринимала реальность немного расплывчато, внутри ее поселилось глубокое чувство тревоги.

– Какое именно ЧП?

– В твоём доме случился пожар, – ответил Рурк.

Дженни приоткрыла рот, но не произнесла ни звука.

Да и что сказать на такую новость?

– Поезжай, – сказала Лора, подавая Дженни куртку и ботинки. – Позвони мне потом.

К тому времени, как Дженни села в полицейскую машину Рурка, четкое восприятие реальности к ней еще не вернулось. Увидев всполохи огня вдалеке, Дженни даже не вздрогнула, хотя вся обратилась во внимание.

– Как это произошло? – спросила она у Рурка.

– В службу 911 поступил телефонный звонок от миссис Сэмюэльсон.

Ирма Сэмюэльсон с незапамятных времен жила по соседству с семьей Маески.

– Этого не может быть, – проронила Дженни. – Я... Как в моем доме мог случиться пожар?

– Пристегнись, – сказал Рурк. Как только Дженни это сделала, он завел мотор и нажал на педаль газа.

– А ты уверен, что это не ошибка? – спросила Дженни. – Может, это еще чей-то дом?

– Ошибки быть не может. Я проверил. Боже, я думал, что... Боже... Черт!..

Неужели в его голосе слышна дрожь? «О нет, – пронеслось в голове у Дженни. – Рурк, ты подумал, что я нахожусь в доме».

– Где ты еще могла находиться в такое время суток?

Так вот почему он обнял ее. Он почувствовал облегчение. Всего-то-навсего. Они подъезжали все ближе к Мэйпл-стрит, и Дженни вдруг явственно ощутила горький запах.

– Пахнет дымом, – сказала она.

– Можешь открыть окно, если не боишься замерзнуть.

– А откуда здесь этот запах?... О боже! Ты заходил в дом? – Дженни тут же представила, как Рурк отталкивает пожарных и пробирается в горящее здание. – Ты хотел найти меня!

Рурк не ответил. Но это и не требовалось. Рурк Мак-найт всегда занимался спасением людей. Это являлось его необъяснимым увлечением.

– Ты не оставляла включенной плиту? – спросил Рурк. – Или какой-то прибор?..

– Конечно же нет! – разозлилась Дженни. Эти вопросы ее раздражали и пугали. Потому что, возможно, она и правда забыла что-то выключить. Ведь теперь она жила одна и стала очень рассеянной. Иногда Дженни не могла отделаться от мысли, что ей суждено всю жизнь прожить вот так, в одиночестве, подобно изгнаннику. И некому будет выключить за ней кофеварку, если она об этом забудет. А в конце концов она превратится в бабушку со множеством кошек. Про таких старушек Дженни и ее друзья в детстве придумывали истории. Одинокие, странные женщины, у которых нет ничего, кроме пропахшего нафталином дома и их кошек.

– ...Ты меня слушаешь? – Голос Рурка оторвал Дженни от раздумий.

– Что? – спросила она, пытаясь привести мысли в порядок.

– С тобой все в порядке?

– Ты только что сообщил мне, что мой дом пылает в огне. Не думаю, что со мной все должно быть в порядке.

– Я имел в виду...

– Я знаю, что ты имел в виду. Разве я выгляжу обеспокоенной?

Рурк бросил на Дженни взгляд:

– Ты спокойна. Но мы еще не приехали к дому. Ты представляешь, как выглядит здание, полностью охваченное огнем?

– Нет, я... – Дженни замолчала, потому что в этот момент Рурк свернул за угол, и тут она увидела свою улицу. «Боже мой». – Сердце Дженни забило в бешеном темпе.

С обоих концов улица была блокирована машинами пожарной службы и скорой помощи, работниками и их оборудованием. В темноте мигали желтые огни спецсигналов. Соседи в зимних пальто, наброшенных прямо на пижамы, собрались на своих дворах, крылечках и с открытым ртом смотрели вверх. Создавалось впечатление, что они наблюдают за фейерверком на День независимости. Вот только никто не смеялся и не кричал от радости.

Пожарные в полной экипировке окружили дом и сражались с огнем.

Рурк остановил машину, и они с Дженни выбрались на улицу. В окнах на верхнем этаже не было стекол, словно кто-то выбил их одно за другим. За этими окнами находился коридор, где висели фамильные портреты – старая фотография со свадьбы бабушки и дедушки, несколько фотографий, на которых была запечатлена вечно юная и прекрасная двадцатитрехлетняя Маришка, мать Дженни, – как раз в этом возрасте она и оставила ее, – также целый строй портретов Дженни школьных лет.

Будучи маленькой девочкой, Дженни любила носиться по этому коридору туда-сюда, пока бабушка не призывала ее остыть. Дженни всегда нравилось это выражение: «остыть». Она бралась за голову и издавала шипящий звук, словно чайник, выпускающий пар.

Дженни любила придумывать истории о людях с портретов. Ее бабушка и дедушка, которые невозмутимо стояли перед объективами камер, превращались в звезд Бродвея. Мать, чьи огромные глаза манили загадочностью и очарованием, являлась правительственной шпионкой. Она защищала мир и скрывалась внутри базы, расположенной глубоко под землей, поэтому и не могла сказать своей семье, где она находится.

Кто-то из пожарных крикнул, чтобы все отошли назад и держались на безопасном расстоянии от здания. Другие пожарные бежали к дому с тяжелым шлангом на плечах. Стоя на выдвижной лестнице пожарной машины, один из спасателей тушил огонь на крыше.

– Дженни, слава богу! – воскликнула миссис Сэмюэльсон и заспешила к Дженни навстречу. На ней были длинное пальто из верблюжьей шерсти и теплые ботинки, которые она даже не застегнула. На ее руках дрожал Натли, йоркширский терьер. – Я заметила огонь и испугалась, что ты в доме.

– Я была в пекарне, – объяснила Дженни.

– Миссис Сэмюэльсон, кто-нибудь взял у вас показания? – спросил Рурк.

– А что? Да, но я...

– Извините, мэм. – Рурк взял Дженни за руку и подвел ее к машине.

Один из пожарных старшего звания давал указания по рации, другой повторял их в громкоговоритель.

– Шеф, это Дженни Маески, – сказал Рурк, продолжая держать ее за руку.

– Мисс, я сожалею о вашем доме, – ответил пожарный. – После того как поступило сообщение о пожаре, нам потребовалось восемь минут, чтобы добраться сюда, но дело в том, что огонь вспыхнул задолго до того, как нам позвонили. Такие старые дома... вспыхивают как спички. Мы делаем все возможное.

– Я... эм... спасибо... наверное... – Дженни понятия не имела, что говорить, когда за спиной горит твой дом.

– Соседи сказали, у вас не было домашних животных.

– Да, это так.

«Только бабушкины африканские фиалки и травы в горшках на окошке, которое выходит в сад. Только целый мой мир. Все, что у меня было», – подумала Дженни. Несмотря на теплую одежду и жар пламени, ее знобило от ночного ветра. Просто поразительно, насколько сильно ее трясло.

На плечи Дженни опустилось что-то теплое и тяжелое. Она не сразу поняла, что это одеяло, которое службы спасения выдают пострадавшим. И еще Дженни ощутила руки Рурка Макнайта. Он стоял позади нее, притянув ее к груди, обнимая, словно желая защитить от всего плохого. Дженни вдруг стал невыносим собственный вес. Она сдалась и прислонилась к груди Рурка. Вскоре ей пришлось закрыть глаза, чтобы спрятаться от любопытных взглядов и едкого дыма. Лицо обжигал жар пылающего огня. От резкого запаха тошнило. Он вызывал в сознании картины сгорающих в доме вещей. Дженни открыла глаза и стала смотреть.

– Дом разрушен, – произнесла она, поворачивая голову и глядя на Рурка. – Все кончено.

Парень с камерой, возможно фотограф какой-то газеты, стоял в кузове своего автомобиля и наводил огромный объектив на горящий дом.

Рурк еще крепче сжал Дженни в объятиях.

– Прости, Дженни. Хотел бы я сказать, что ты не права.

– И что теперь?

– Расследование происшествия, – ответил Рурк, – выплаты по страховке, опиши имущества.

– Я имею в виду прямо сейчас. Следующие двадцать минут. Следующий час. Огонь потушат, а дальше что? Я вернусь в пекарню и буду спать под своим письменным столом?

Рурк наклонил голову. Его губы находились у самого уха Дженни, чтобы она могла слышать его сквозь шум улицы.

– Не волнуйся об этом, – сказал Рурк. – Я защищу тебя.

Конечно, Дженни ему поверила. На то были веские основания. Ведь она знала Рурка Макнайта почти всю свою жизнь. Несмотря на все дразги между ними, несмотря на чувство вины и боль, которую они причинили друг другу, и несмотря на огромную пропасть, что между ними возникла, Дженни всегда знала: она может рассчитывать на Рурка.

Глава 3

Что-то вырвало Дженни из объятий тяжелого, мучительного сна, и она открыла глаза. Сердце колотилось в бешеном темпе, легким не хватало воздуха, а мысли слегка путались. В голове прокручивался страшный сон о том, как издатель берет написанные ею страницы и одну за другой скармливает огромной тестомешалке.

Дженни лежала на спине, раскинув руки и ноги, словно кровать была плотом, а она – единственным спасшимся с потонувшего корабля. Некоторое время Дженни бессмысленно смотрела в потолок, с которого свисала чужая люстра, потом осторожно села.

На ней была серая футболка в тонкую белую полоску – настолько большого размера, что соскальзывала с плеча, – и пара толстых хлопчатобумажных носков, тоже больших. А еще... Дженни подняла вверх край футболки... мужские боксеры в клетку.

Она сидела посреди кровати Рурка Макнайта – его огромной кровати, застеленной ужасно дорогим постельным бельем. Дженни посмотрела на ярлычок подушки. Кто бы мог подумать, что Рурк Макнайт так любит комфорт?

В дверь тихо постучали и, не дожидаясь приглашения, вошли. Рурк нес по кружке кофе в каждой руке и утреннюю газету под мышкой. Он был одет в линялые джинсы и обтягивающую футболку с надписью. У ног Рурка крутились три лохматых пса.

– Мы попали на первую полосу, – сообщил он, поставив кружки с кофе на столик возле кровати, и развернул «Авалонский трубадур».

Дженни туда не смотрела. Не сейчас. Она все еще пребывала в растерянности и в плену сна, удивляясь, почему же она так быстро проснулась?

– Который час? – спросила она.

– Чуть больше семи. Я старался не шуметь, чтобы дать тебе поспать.

– Я удивлена, что вообще заснула.

– А я нет. Черт, ну и длинный вчера выдался денек.

Это еще мягко сказано. Полдня Дженни смотрела, как пожарные борются с пламенем, до самого последнего уголька. Стоя под тяжестью серого зимнего неба, она наблюдала за тем, как ее родной дом превращается в черную грудку обуглившегося дерева, разрушенных труб, креплений и сгоревших вещей.

Посреди обломков стоял камин, единственный выживший при пожаре предмет. Кто-то объяснил Дженни, что, как только следствием будет установлена причина пожара и работник страховой службы съездит на место происшествия, члены спасательного общества разберут руины и найдут сохранившиеся вещи. Потом обломки будут утилизированы. Дженни дали пакет с формами, которые необходимо будет заполнить, и попросили оценить стоимость сгоревшего имущества. К формам она так и не прикоснулась. Разве непонятно, что самое ценное не может быть измерено деньгами?

Дженни просто стояла там с Рурком, слишком потрясенная произошедшим, чтобы что-то говорить или планировать. Дрожащей рукой она подписала несколько бумаг. Ближе к вечеру Рурк заявил, что везет ее к себе домой. У Дженни не было сил даже возразить. Рурк накормил ее куриным супом быстрого приготовления, крекерами и предложил лечь спать. По крайней мере, это у Дженни, которая валилась с ног от усталости, получилось легко.

Теперь Рурк сидел на краю кровати, и его профиль очерчивал слабый утренний свет, пробивающийся сквозь полупрозрачные белые занавески на окне. Рурк еще не побрился, и золотистая щетина сглаживала линии его нижней челюсти. Футболка, истончившаяся и выцветшая от многолетней стирки, четко обрисовывала мускулистую грудь.

Собаки лохматой кучей плюхнулись на пол. А Дженни показалось, что во всей этой ситуации есть что-то нереальное. Она сидела на кровати Рурка. В его комнате. Рурк принес ей кофе. Читал с ней газету. Что-то здесь не так.

Ах да, вспомнила Дженни. Они же спали вместе.

По сравнению с тем, что вообще произошло, эта мысль показалась Дженни маловажной. У нее умерла бабушка, сгорел дом. Пусть она спала с Рурком в одной постели, сейчас это не самое главное. Но все окончилось лишь дурным сном, и это казалось Дженни нечестным.

«Ну-ка, посмотрим». Она потянулась к газете, придвигаясь к Рурку. Так обычно вели себя влюбленные: сидели вместе на кровати и, попивая кофе, читали газету. Только потом Дженни увидела перед глазами эту фотографию. Большую, цветную, на первой полосе. «О боже, – подумала Дженни. – Мы смотримся...»

Как пара. Дженни никак не могла отделаться от этой мысли. Фотограф поймал тот момент, когда Рурк обнял ее сзади и приблизил губы к уху, как будто наклонился прошептать что-то. Пламя огня сзади добавляло драматичности. На самом же деле в этот момент Дженни была такая дрожь, что у нее стучали зубы, а Рурк шептал ей на ухо вовсе не нежности, а просто объяснял, что теперь у нее нет дома.

Дженни ничего не сказала, надеясь, что романтичность снимка – это всего лишь плод ее фантазии. Она отпила кофе и просмотрела статью.

– Поврежденная электропроводка? – удивилась Дженни. – Откуда им известно, что это из-за поврежденной электропроводки?

– Это лишь предположение. Мы все узнаем после расследования.

– И почему у тебя такой прекрасный кофе? – спросила Дженни. – Он же просто великолепен.

– Ты что-то имеешь против?

– Я и представить не могла, что ты так хорошо варишь кофе. – Дженни сделала очередной глоток, наслаждаясь вкусом.

– У меня много талантов. Некоторые люди обладают даром хорошо варить кофе, – добавил Рурк шутливо-серьезным тоном. – Они известны как кофейные маги.

– А как ты узнал, что мне нравится, когда в кофе добавляют много сливок?

– Я изучил все твои вкусы, начиная с того, как ты пьешь кофе, какими полотенцами вытираешься после душа и заканчивая твоей любимой радиостанцией. – Рурк сидел уперев локти в колени и держал в руках кружку.

– Ах-хах! Отличная шутка, Макнайт!

– А я думал, тебе понравится. – Он допил свой кофе.

Дженни подтянула колени к груди и натянула на них футболку.

– Я знаю, это просто слова, но чашка хорошего кофе делает самые тяжелые жизненные ситуации не столь ужасными. – Закрыв глаза, Дженни отпила еще, наслаждаясь приятным вкусом и стараясь как следует прочувствовать настоящий момент. Учитывая все произошедшее, это было единственное безопасное место. Здесь. С Рурком. На его кровати.

– Что смешного? – спросил он.

Дженни открыла глаза. Только сейчас она поняла, что смеется.

– Я всегда думала, каково это – провести ночь в твоей постели.

– Ну и каково?

– Ну... – Дженни поставила кружку на столик. – Постельное белье из разных комплектов, но ткань чудесная. И все чистое. Не просто постиранное, а чистое. Такое бывает, когда белье меняют часто, а не раз в год. Четыре подушки и очень удобный матрас. Что же еще нужно?

– Спасибо.

– Я не уверена, что это был комплимент, – предупредила Дженни.

– Тебе понравилась моя кровать: постельное белье чистое, матрас удобный. Как же это может не быть комплиментом?

– Потому что я не могу решить, как это тебя характеризует. Как замечательного человека, который ценит хороший ночной сон, или как мужчину, который привык водить домой женщин, поэтому много внимания уделяет кровати.

– Так что из этого?

– Я не знаю. Мне нужно подумать. – Дженни откинулась назад на кровать и закрыла глаза. Были вещи, о которых она могла сейчас сказать, но решила к этому не возвращаться. Не возвращаться к прошлому. В конце концов, раньше они были друг для друга не чужими, и этого не изменить.

– Хотела бы я остаться здесь до конца своих дней, – сказала Дженни, стараясь придать голосу непринужденный тон.

– Так оставайся.

Дженни открыла глаза и уперлась локтями в колени.

– Я хочу кое о чем спросить тебя, и с моей стороны это очень искренне. Кого я разгневала? Неужели я нарушила какой-то космический баланс во Вселенной? Из-за этого меня преследуют неудачи?

– Возможно, – ответил Рурк.

Дженни кинула в него подушку.

– Ну, спасибо!

Рурк кинул ее обратно.

– Кто первым пойдет в душ? Ты или я?

– Иди первым. А я пока допью кофе и подумаю о своей невероятной судьбе. – Дженни посмотрела вниз. – Как зовут собак?

– Руфус, Стелла и Боб, – ответил Рурк, показывая на каждую. Он объяснил, что каждую из собак он когда-то спас. – А кота зовут Клоренс.

Спас. Ну конечно же, подумала Дженни.

– Они очень дружелюбные, – добавил Рурк.

– Я тоже. – Дженни почесала за ухом Руфуса, голубоглазого, густошерстного пса, метиса лайки.

– Рад это слышать, – сказал Рурк. – Если захочешь чего-нибудь поесть, не стесняйся. Хотя даже если ты не голодна, поесть все равно нужно. Впереди еще один тяжелый день.

Рурк пересек комнату, и через мгновение Дженни услышала радио вперемешку с шумом льющейся воды.

Она бросила взгляд на часы. Еще слишком рано звонить Нине. И только потом вспомнила, что Нина уехала в Олбани на съезд мэрии. Дженни поднялась и подошла к окну. Она с трудом переставляла ноги, как будто только что пробежала марафон, и это было странно, потому что вчера она целый день ничего не делала. Только стояла и в полном шоке глядела на свой сгоревший дом.

Мир за окном оставался удивительно неизменным. У Дженни вся жизнь разваливалась по кускам, а город Авалон спокойно дремал. Зимнее небо сплошь покрывали густые белые облака. Вдоль дороги росли голые деревья, а горы вдалеке были полностью укутаны снегом. Из окна дома Рурка Дженни видела, как городок постепенно просыпается. Несколько машин отважились проехать через огромные сугробы, нанесенные вчерашним снегопадом. Авалон был местечком, которое обладало легким шармом старого городка. Мощные улицы и регулярно реставрируемые старинные здания его центра, городской парк, покрытые снегом газоны и игровые поля, расположенные на берегах реки Шуйлер. Река протекала, образуя небольшой водопад среди покрытых льдом скал, и уносила в своих волнах сорвавшиеся сосульки.

В этом городке жители мегаполисов снимали стресс. Некоторые даже покупали клочок земли, чтобы жить здесь в старости. Летом и осенью пригородные дороги, по которым ездили лишь грузовики фермеров и телеги, запряженные лошадьми, наводняли иностранные внедорожники, рычащие «хаммеры» и спортивные автомобили заезжих пиджонов.

Здесь все еще оставались места нетронутые, где природа была такой же девственной, как и сотни лет назад. Леса, озера и реки скрывали бесконечные горы. Стоя на вершине Дозорного холма – на котором теперь возвышалась башня мобильной связи, – можно было представить, что внизу расстилается тот самый лес, где охотился Натти Бампо из «Последнего из могикан». И Дженни всегда поражало, что при этом Авалон находился всего в нескольких часах езды от Нью-Йорка.

Дженни отвернулась от окна и окинула взглядом комнату. Никаких личных вещей, ни фотографий, ни сувениров – никаких признаков, что у Рурка Макнайта была своя жизнь, свое прошлое или – упаси боже! – семья. Несмотря на то что Дженни знала Рурка еще с детства, между ними зияла пропасть молчания длиной в несколько лет. А еще Дженни никогда не бывала в его спальне. Рурк никогда не приглашал ее, а даже если и приглашал, она бы все равно не пришла. По крайней мере, по доброй воле. Просто они с Рурком не такие. С ним сложно. А их история еще сложнее. Они не подходят друг другу. Быть вместе для них слишком рискованно.

Потому что Рурк Макнайт – настоящая загадка. И не только для нее. Трудно что-то увидеть в этом угловатом лице и пронзающем взгляде.

Рурк был многослойным, хотя Дженни подозревала, что немногие могли бы это понять. Определенно он интересовал людей. Сведущим в политике было известно, что Рурк приходится сыном сенатору Дрэйтону Макнайту, который вот уже тридцать лет является представителем одного из самых процветающих округов страны. И люди недоумевали, почему человек из такой богатой семьи, человек, который мог бы иметь все, что захочет, живет в крохотном городке среди Катскиллских гор и, подобно простым смертным, сам зарабатывает себе на жизнь?

Дженни знала, что Рурк – хотя сам он никогда бы в этом не признался – поселился в Авалоне отчасти из-за нее. Когда-то она была помолвлена с его лучшим другом, Джоуи Сантини. Это были времена, когда каждый из них мечтал поселиться в маленьком очаровательном городке, мечтал о дружбе, которая длилась бы всю жизнь, о доверии, которое никто бы не обманывал. Неужели они и правда были такими наивными?

Конечно же ни Рурк, ни Дженни никогда не говорили о случившемся. Каждый из них поверил в то, что лучше оставить это в прошлом и не трогать.

Но естественно, они не забыли. И доказательством тому было неловкое напряжение между ними и намеренное избегание друг друга. Дженни была уверена, что никогда об этом не забудет, даже через сто лет. Она редко была в чем-то уверена, но насчет этого – совершенно точно. Она всегда будет помнить ту ночь, но никогда не сможет понять Рурка.

Шум воды прекратился, и через пару минут Рурк вошел в комнату с мокрыми волосами и полотенцем, низко обмотанным вокруг бедер. Он был необыкновенно красив: высокий, широкоплечий и узкобедрый. Ради его лица девушки выкидывали телефонные номера своих приятелей. Лучшая подруга Дженни, Нина Романо, всегда говорила, что Рурк слишком привлекателен, чтобы быть полицейским в каком-то захолустном городишке. С его точеными скулами, ямочкой на подбородке, поволокой в голубых глазах и – о боже! – этим незабываемым шрамом на правой щеке Рурк скорее походил на актера из рекламы элитного алкоголя или дорогих автомобилей. Дженни почувствовала волну страсти, накрывшую ее так внезапно и так неистово, что не могла не рассмеяться.

– Тебе смешно? – поинтересовался Рурк.

– Извини, – ответила Дженни, но справиться с собой никак не могла. Ситуация была настолько ужасной, что Дженни пришлось смеяться, чтобы не расплакаться.

– Должен сказать, что женщины на этой кровати частенько плакали.

– Я бы спокойно пережила этот день, даже не узнав столь ценной информации, – съязвила Дженни.

Она украдкой вытерла проступившие слезы и пристально посмотрела на Рурка. Дженни никогда не встречала мужчину, сочетавшего так много противоречий. Рурк выглядел как греческий бог, но не был тщеславен. Он, выходец из богатой семьи, жил как представитель рабочего класса. Рурк притворялся, что ему наплевать на всех и вся, но все свое время тратил на служение обществу.

Он находил хозяев для бродячих кошек и собак. Он относил раненых птиц в приют для животных. Если кому-то было плохо, Рурк тут же появлялся рядом. Он делал это уже несколько лет. Он многое повидал. Был нерадивым школьником, студентом без гроша в кармане, государственным служащим, которому приходилось принимать решения вразрез со своим мнением.

Рурк был очень скрытным. Дженни подозревала, что это как-то связано с Джоуи, с тем, что случилось. Случилось с ними троими.

– ...смотришь на меня так? – спрашивал Рурк.

Дженни только сейчас поняла, что ушла в свои мысли, и тряхнула головой.

– Извини, – сказала она. – Мы так давно не разговаривали. Я думала о твоей истории.

Рурк нахмурился:

– Моей истории?

– У каждого она есть. История. Череду событий, из-за которых ты оказался здесь и сейчас.

Рурк улыбнулся.

– Я люблю закон и порядок и хорошо обращаюсь с оружием, – сказал он. – Вот моя история, и я ее придерживаюсь.

– Даже то, что ты шутишь, укрывая настоящую историю, мне тоже интересно.

– Если это так интересно, то тебе нужно писать фантастику.

Ага. Он притворился, что ему все равно.

– Ты отлично умеешь переводить разговор на другую тему, – заметила Дженни.

– В смысле?

– Вся моя жизнь превратилась в дым, и я думаю о тебе.

Похоже, это начинало его нервировать.

– И что ты думаешь?

– Ну, я просто подумала...

– Не надо, – перебил ее Рурк. – Не думай обо мне и моей истории.

«Как я могу не думать? – пронеслось в голове у Дженни. – Это же *наша* история». И этот пожар что-то изменил между ними. От простого игнорирования друг друга они пришли к... этому. Чем бы «это» ни оказалось. Руководствовался ли Рурк своим инстинктом защитить, или у него были более серьезные причины оказаться рядом с ней? Мог ли пожар быть катализатором к тому, чтобы столкнуть их лицом к лицу с тем, чего они оба избегали? Быть может, в конечном счете они поговорят о том, что произошло.

Не сейчас, подумала Дженни. Она не могла сделать этого сейчас. Не после этого разговора. В данный момент проще всего ограничиться ничем не значащим флиртом, избегая наиболее болезненных проблем. За годы Дженни преуспела в этом.

– Схожу в душ, – сказала она. – Где моя одежда?

– В стирке, еще не высохла.

– Ты постирал мою одежду?

– А что? Ты хотела сдать ее в химчистку?

Дженни ничего не ответила. Она знала, что вся ее одежда пропахла дымом, и была благодарна Рурку. Сама мысль о том, что у нее теперь только один комплект одежды, приводила Дженни в ступор.

Рурк выдвинул нижний ящик стола и достал оттуда толстый бумажный пакет, помеченный ярлыком прачечной.

– Тут кое-какая одежда. Может, найдешь что-то подходящее. Держи.

Снедаемая любопытством, Дженни нахмурилась, вскрыла пакет и принялась за изучение его содержимого, по очереди извлекая вещи наружу. В пакете лежала модная кофточка, лифчик с эффектом пуш-ап и несколько миниатюрных женских трусиков. Еще Дженни обнаружила дизайнерские джинсы, шорты и вязаные кофточки с глубоким декольте.

Дженни выпрямила спину и посмотрела на Рурка:

– И что это? Военные трофеи? Подарки за секс? Оставшиеся вещи бывших подружек?

– А что? – спросил Рурк, но лицо ее выражало смущение. – Я сдавал их в прачечную.

– И ты считаешь, что это нормально?

– Послушай, я не монах.

– Это точно. – Дженни держала на указательном пальце тонкие прозрачные трусики. –

А ты бы надел такое?

– Надеюсь, ты не считаешь меня извращенцем.

– Я остаюсь в твоих боксерах, – заявила Дженни.

Она направилась в ванную и остановилась возле Рурка. Ее лицо находилось всего в нескольких дюймах от его обнаженной груди. От его кожи исходил влажный жар, который пах мылом.

– Мне лучше поторопиться. Как ты уже сказал, впереди еще один трудный день.

Дженни зашла в ванную. Оказалось, что радио настроено на ее любимую станцию. На полке лежали три чистых, аккуратно сложенных полотенец. Именно так, как она любила. Именно того размера: одно большое для тела и два маленьких для рук.

Конечно, было бы лестно представить, что она нравится Рурку. Но все осталось в прошлом. За все эти годы Рурк не сказал ей и десяти слов. До этого времени он вообще едва ли ее замечал. Не замечал, пока она не стала уязвимой. Дженни скорбела по бабушке, осталась без дома, ей некуда было идти, не к кому обратиться. Рурк не замечал ее, пока ей не потребовалась помощь. Очень интересно.

Чтобы застегнуть дизайнерские джинсы, Дженни пришлось лечь на кровать и втянуть живот. Согласно ярлычку на поясе, джинсы были ее размера. Возможно, они раньше принадлежали девушке по имени Бэмби или Фэнни, которой явно нравились вещи словно измазанные малярной кистью.

Лифчик, как ни странно, подошел Дженни идеально, хотя ей никогда не нравился пуш-ап. Дженни надела бело-малиновый обтягивающий свитер с треугольным вырезом.

Потом она зашла на кухню. Носки, которые дал Рурк, были велики и шлепали по линолеуму. Когда Рурк посмотрел на Дженни, в его лице появилось кое-что, чего раньше она никогда не замечала. И это выражение моментально исчезло, но Дженни все равно успела заметить. Это было невероятное, безудержное желание. Господи, подумала Дженни, а стоило всего-навсего разодеться, как модели Виктории Сикрет.

– Ну и ну! – сказал Рурк.

– Эй, между прочим, это одежда из *твоего* шкафа, – разозлилась Дженни.

Рурк нахмурился.

– Нет, я имел в виду: хочешь «Ну и ну!»?

Он протянул Дженни упаковку шоколадного печенья подозрительного вида. Она тряхнула головой.

– Может быть, ты и кофейный маг, но это, – Дженни кивнула на пачку печенья «Ну и ну!», – отвратительно.

Рурк оделся на работу и выглядел великолепно. Самый молодой начальник полиции Ульстерского округа. Обычно для достижения этой должности требовались годы работы, опыт и искусная агитационная кампания в поддержку своей кандидатуры, но в городке Авалон не требовалось ничего, кроме согласия на необычайно низкую зарплату. Несмотря на это, Рурк подходил к работе со всей серьезностью, чем заслужил у жителей уважение.

Дженни взяла большой апельсин и села за стол.

– Ты работаешь в воскресенье?

– Я всегда работаю по воскресеньям.

Дженни об этом знала, но не хотела признаваться.

– Что дальше, шеф? – спросила она.

– Мы едем к твоему дому, встречаемся со следователем. Если нам повезет, выясним, какова была причина пожара.

– Повезет? – Дженни вогнала ноготь в шкурку апельсина и принялась его чистить. – И почему мне кажется, что везение меня покинуло?

– Ладно, это все пустые разговоры. Я хотел сказать, чем быстрее расследование закончится, тем быстрее ты получишь спасенное имущество.

– Имущество. Это как-то нереально. – Внезапно Дженни кое-что вспомнила, и ее охватило беспокойство. – Ты сказал, что постирал мои вещи?

– Ага. Я только что слышал, как стиральная машина остановилась.

– О боже. – Дженни вскочила на ноги, бросилась в небольшую комнату, которая прилегал к кухне, и открыла дверцу стиральной машины.

– Что случилось? – спросил пришедший следом Рурк.

Дженни вытащила поварские штаны и, проверив карманы, достала маленькую пластиковую коробочку. Этикетка все еще держалась, но внутри была мыльная вода. Дженни отдала коробочку Рурку.

Он взглянул на этикетку.

– Похоже, все таблетки растворились.

– Ты стал обладателем самой спокойной и безмятежной стиральной машины в Авалоне.

– Я не знал, что ты принимаешь успокоительное.

– Ты считал, я смогу пережить смерть бабушки просто так, без помощи?

– Ну да.

– Почему ты так думал?

Рурк положил коробочку на кухонный стол.

– Сейчас и все утро... я не заметил, чтобы с тобой было что-то не так.

Дженни задумалась. Она оперлась вытянутыми руками о край стола. Но потом сообразила, что такая поза подчеркивает ее грудь, обтянутую узким свитером, и согнула руки в локтях. В ночь, когда умерла бабушка, доктор спрашивал, насколько тревожно она себя чувствует по десятибалльной шкале? Он посоветовал задавать себе этот вопрос каждый раз перед тем, как принять таблетку, чтобы избежать зависимости.

– Сейчас я на пятерочку, – тихо сказала Дженни, чувствуя едва различимый шум в ушах и небольшое напряжение в мышцах. Ни потливости, ни усиленного сердцебиения, ни гипервентиляции легких.

– Я понимаю, это не твоя одежда, – сказал Рурк, – но в ней ты выглядишь самое меньшее на семерочку.

– Ха-ха. – Дженни взяла еще один апельсин. – Доктор сказал, мне следует оценивать свою тревожность по десятибалльной шкале, чтобы решить, нужно ли принимать лекарство.

Рурк поднял одну бровь.

– Так если у тебя пятерка, не означает ли это, что мы должны немедленно бежать в аптеку?

– Нет. Только когда я почувствую себя на восьмерку и выше. Не понимаю, почему я не тревожусь сильнее. Вообще удивительно, как у меня не случился нервный срыв после вчерашнего.

– А ты что, этого хочешь?

– Конечно нет! Но это было бы нормально, разве не так?

– Я думаю, когда дело касается смерти дорогого человека, понятия «нормальности» не существует. Сейчас ты просто чувствуешь себя относительно неплохо. Пусть так и будет.

Дженни догадывалась, что за этими словами что-то кроется. Какая-то мудрость или знание, словно у Рурка был опыт в этом вопросе.

Когда они вышли на улицу, лицо Дженни освежил приятный утренний холодок. Рурк удостоверился, что у собак достаточно еды и воды и что калорифер в гараже работает на случай, если они захотят там погреться. Потом он с рыцарским видом открыл для Дженни дверь автомобиля, обошел его и сел на место водителя.

– Пристегнись, – сказал Рурк, заводя мотор.

Он заметил, что Дженни смотрит на него, а она подумала, знает ли он о том, какой загадкой для нее является? Он – первый, кто смог отвлечь ее от скорби по бабушке. Рурк вел себя как рыцарь, потому что был начальником полиции, напомнила себе Дженни. То же самое он сделал бы для кого угодно.

– Ты уверена, что с тобой все в порядке? – спросил Рурк. – Ты снова на меня странно смотришь.

Дженни почувствовала, как ее лицо запылало, и отвела взгляд. Она же должна быть в отчаянии из-за смерти бабушки и сгоревшего дома, а вместо этого ее посещают мысли о начальнике полиции.

– Непривычно в этой одежде, – ответила она. – Я в порядке.

Рурк набрал в грудь воздух.

– Хорошо. Сосредоточимся на сегодняшнем дне. Будем разбираться со всем по очереди.

– Я тебя внимательно слушаю. Знаешь, я в этом дилетант. Понятия не имею, что нужно делать после того, как у тебя сгорел дом.

– Начинать жить заново, – ответил Рурк. – Вот что.

Его слова неожиданным образом подействовали на Дженни. Впервые со смерти бабушки она начала видеть все в ином свете. Утопая в горе, Дженни сосредоточилась на мысли, что она теперь совсем одинока. Но слова Рурка изменили ее точку зрения. Не *одинокая*, а *независимая*. Дженни еще никогда себя так не чувствовала. После смерти дедушки в пекарне требовалась ее помощь. Когда у бабушки случился удар, Дженни была нужна дома. И она никогда не следовала своей собственной дорогой... до этого момента. Но сейчас случилось нечто страшное. То, что Дженни хотела бы спрятать от самой себя: страх перед независимостью. Ведь если она что-то испортит, то будет виновата в этом сама.

Дженни выбралась из машины и, увидев свой сгоревший дом, снова почувствовала шок, несмотря на то что все видела еще вчера и даже ощущала жар от пожарища. Дом походил на покрытый сажей черный скелет, окруженный застывшей на морозе грязью со следами ботинок.

– А что с гаражом? – спросила Дженни.

– Пожарная машина дала задний ход и врезалась в него. Хорошо, что мы вчера забрали твою машину.

Потеря гаража не показалась Дженни такой уж трагичной. По сравнению со всем, что случилось, это было такой мелочью. Она лишь тряхнула головой.

– Сожалею, – сказал Рурк и неуклюже потрепал ее по плечу. – Следователи скоро придут, а пока можешь походить, посмотреть.

Дженни ощутила неприятный холодок.

– Думаешь, кто-то устроил пожар специально?

– Просто таковы правила. Сначала нужно узнать причину возгорания. Скоро придет оценщик страхового убытка. Сначала он даст тебе банковскую карту, по которой можно получить минимальную выплату.

Дженни вздрогнула и кивнула. По периметру дом был окружен черно-желтой лентой.

Вид черного остова солью разъедал душевную рану Дженни. На фоне светлого утреннего неба остов дома казался грубым наброском, начерченным углем.

Когда-то красивое белое крыльцо покрылось пузырями и почернело. Через отверстия в стенах во двор проникали лучи света. Двери не было. На земле лежало битое оконное стекло.

Обгоревшие трубы походили на скелет Терминатора. Среди руин Дженни могла различить кухню, самое сердце дома. Ее бабушка с дедушкой были людьми экономными, но они гордились своим дорогим холодильником и большой микроволновкой. Более пятидесяти лет назад бабушка пекла свои первые изделия прямо на этой кухне. Большая часть лестницы со второго этажа провалилась на первый, лестница с первого этажа лежала в подвале. Через дыру в стене виднелась изгородь заднего двора, за ней – покрытые снегом садовые клумбы, дальше – сплошное белое поле. Сад всегда был радостью и гордостью бабушки. Когда с ней случился удар, Дженни усердно трудилась, чтобы поддерживать сад во всем его великолепии.

В ночь пожара струи из пожарных шлангов заливали двор, образуя большие арки, и теперь вода на изгороди и воротах застыла сосульками, превратив задний дворик в сад ледяных скульптур.

По всему периметру снег был утоптан тяжелыми ботинками. Повсюду стоял резкий запах гари.

– Я даже не знаю, с чего начать, – призналась Дженни. – Интересно, не правда ли? Что купить прежде всего, когда сгорело абсолютно все?

– Зубную щетку, – посоветовал Рурк так, словно это было очевидно.

– Надо будет запомнить.

Мимо медленно проезжали машины. Из их окон на сгоревший дом глазели любопытные. Люди всегда смотрят на несчастья других со вздохом облегчения и благодарят Бога за то, что это произошло не с ними.

Дженни собралась с силами и прошла за следователем и сотрудником страховой компании по доске, хлюпающей в грязи у порога дома, вместо сгоревшей лестницы. Дженни улавливала планировку комнат, видела остатки мебели и знакомых вещей. Все стало каким-то чужим.

Она была чужой. Дженни безучастно отвечала на вопросы о том, что делала прошлым вечером. Она отвечала на вопросы, пока не почувствовала, что ее голова сейчас взорвется. Следователь и страховщик действовали по обычной схеме. Она не засыпала в постели с сигаретой. Дженни постаралась отвлечься, представить, что это кто-то другой рассказывает, как она работала за компьютером поздно ночью, как вздрагивала от каждого шороха, поэтому отправилась в пекарню, зная, что там будет кто-то из утренней смены. Дженни отвечала на вопросы со всей честностью. Нет, она не оставляла включенными какие-либо приборы, ни кофеварку, ни фен и ни тостер. Она не забыла выключить плиту, не оставляла гореть свечу и даже не помнила, где хранила спички. (Следователь сообщил, что под раковиной.) Бабушка Дженни обычно брала свечи в церковь, ставя их в несколько рядов перед иконой святого Казимира, покровителя Польши³.

³ На самом деле литовский княжич и польский королевич, святой покровитель Литвы (1458, Краков – 4 марта 1484, Гродно).

– О нет, – прошептала Дженни.

– В чем дело, мисс? – переспросил следователь.

– Я это сделала, – ответила Дженни. – Пожар случился по моей вине. У моей бабушки была жестяная коробка с вещами из Польши: письмами, рецептами, вырезками из газет. В ночь пожара я... я не могла уснуть и искала материал для своей статьи. Я вытащила эти вещи наружу и... о боже!

Дженни замолчала, подавленная чувством вины.

– И что? – спросил следователь.

– Тогда я использовала фонарик. В нем сели батарейки, и я взяла их из детектора дыма на кухне, а потом забыла вставить обратно. Поэтому пожарная сигнализация и не сработала.

– Не ты первая, – спокойно заметил Рурк.

– Но получается, что пожар произошел по моей вине.

– Пожарная сигнализация полезна тогда, когда в доме есть кто-то, чтобы ее услышать, – пояснил Рурк. – Даже вопи она всю ночь, дом все равно бы сгорел. Тебя не было дома, и ты не могла услышать сигнализацию. Так что это не в счет.

Как же Дженни хотела, чтобы Рурк оказался прав. Слишком тяжело быть виноватой в гибели собственного дома.

– Мне приходилось слышать эту сигнализацию, – сказала Дженни. – Она достаточно громкая и могла разбудить соседей.

– Это не твоя вина, Джен.

Дженни думала о жестяной коробке с незаменимыми документами и рецептами на старой бумаге. Теперь они утеряны. Навсегда. Дженни чувствовала себя так, словно потеряла бабушку во второй раз. Стараясь держать эмоции под контролем, Дженни рассматривала камин, вспоминая рождественские вечера в этом доме. С тех пор, как бабушка умерла, она не пользовалась камином.

Бабушка часто мерзла и говорила, что ее может согреть только пламя очага.

– Я пеленала ее, словно колач, – произнесла Дженни, вспоминая, как они с бабушкой смеялись, когда она кутала хрупкое тельце в шерстяной плед. – Но, что бы я ни делала, она все равно продолжала трястись от холода.

В следующую секунду Дженни прижалась лицом к плечу Рурка. Ей было больно вдыхать воздух, как будто что-то царапало легкие.

Дженни почувствовала, как Рурк неловко погладил ее по спине. Наверное, он не предполагал, что сегодня утром в его объятиях окажется полная отчаяния Дженни. Ходили слухи, что Рурк знает, как обращаться с женщинами, но она считала, что это касается лишь привлекательных и легкомысленных особ. Насколько Дженни могла судить, только с такими Рурк и встречался. Не то чтобы она отслеживала его пристрастия, просто это было сложно не заметить. Дженни частенько видела, как утром Рурк провожает на остановку какую-нибудь пышногрудую фифу.

– ...Пойдем, – тем временем говорил Рурк ей на ухо. – Мы можем перенести все на другое время.

– Нет. – Дженни выпрямилась, взяла себя в руки и даже сумела улыбнуться. И с чего вдруг она стала обо всем этом думать? Дженни похлопала Рурка по плечу, которое показалось ей твердым, как скала.

– На твоём плече можно здорово выплакаться, шеф.

Рурк поддержал Дженни в попытке разрядить обстановку:

– Служить и защищать. Так написано на моем значке.

Вытирая слезы, Дженни повернулась к следователю:

– Извините. Наверное, мне было необходимо выплеснуть накопленный стресс.

– Я понимаю, мисс. Потеря дома – это такая травма. Советую вам решить вопросы с юристами как можно скорее. – Следователь протянул Дженни визитную карточку. – Все хвалят мистера Баретта в Кингстоне. А самое главное: не принимайте пока никаких важных решений. Не торопитесь.

Дженни сунула визитку в задний карман. Ей понравилось это ощущение. Новые джинсы выгодно обтягивали те места, о достоинствах которых она и не подозревала. Они снова начали обход руин, и Дженни сумела взять себя в руки, несмотря на все пережитое горе. Меньше месяца назад она потеряла бабушку, а теперь и дом, в котором прожила всю жизнь.

Официальный вердикт еще предстояло вынести, но и следователь, и оценщик имущества сошлись в том, что пожар начался на чердаке. Вполне вероятно, что причиной его возникновения послужила неисправность проводки. Детектор не выявил никаких легковоспламеняющихся паров, и никаких следов умышленного поджога тоже обнаружено не было.

– Что дальше? – спросила уставшая Дженни страховщика. Ей пришла в голову мысль, что так, наверное, выглядят места, где происходили бои.

Она подбирала остатки того, что когда-то было цветочными горшками, семейными фотографиями, сувенирами каких-то важных событий, подарками на дни рождения и Новый год, вещей, единственных в своем роде, как, например, письма или написанные от руки рецепты.

Страховщик указал Дженни на ее компьютер. Он лежал среди уродливой груды обгоревшей обивки дивана.

– Это ваш ноутбук? – спросил следователь.

– Да.

Ноутбук был закрыт. Поверхность покрылась пузырями.

– Можно попросить техника его проверить. Возможно, жесткий диск уцелел.

Вряд ли. Следователь так не сказал, но Дженни могла прочесть по его лицу. Вся информация утеряна: все текстовые файлы, финансовые заметки, фотографии, адреса, электронная почта, компьютерные программы. Ее проект для книги. У Дженни были дубликаты, но она хранила их в ящиках стола, который превратился в груды головешек. Дженни опустила плечи, словно собираясь с мыслями.

– Она писательница, – объяснил Рурк следователю.

– Правда? – Тот выглядел заинтересованным. – Вот это да. А что вы пишете?

Дженни смутилась. Ей всегда было неловко, когда люди спрашивали ее о работе писателя. Мечта Дженни была такой огромной, такой невозможной, что иногда ей казалось, что она не имеет на нее права. Она, необразованная Дженни Маески из маленького городка, хотела стать писательницей. Одно дело – вести кулинарную колонку еженедельника, фантазируя в одиночестве о чем-то большом и великом, и совсем другое – признаться в этом абсолютно незнакомому человеку.

– Я веду кулинарную рубрику в местной газете, – пробормотала Дженни.

– Да ладно, Джен, – вмешался Рурк. – Ты всегда говорила, что когда-нибудь напишешь книгу. Бестселлер.

Дженни не могла поверить, что Рурк помнил об этом.

– Я сейчас над этим работаю, – сказала она с пылающим лицом.

– Правда? Поищу ваши книги в магазине, – ответил страховщик.

– Долго будете искать, – с грустью заметила Дженни. – Меня еще ни разу не печатали.

Она бросила уничтожающий взгляд на Рурка. Вот болтун. И о чем он думал, рассказывая о ее мечтах незнакомому человеку?

Дженни пришла к выводу, что причина этого – несерьезное отношение к ней Рурка. Он считает, у нее нет ни единого шанса. Она всего лишь владелица пекарни в городишке, затерянном в горах. Возможно, она всю жизнь будет владелицей пекарни, чахнуть над бухгалтерскими отчетами или стареть за прилавком магазина.

– Что? – спросил Рурк, когда страховщик вернулся к машине. – Что означает этот взгляд?
– Упоминать о книге было вовсе не обязательно.
– А почему бы и нет? – искренне удивился Рурк, и это привело Дженни в ярость. – Что тебя злит?

Дженни не ответила.

– Бестселлер, – пробормотала она. – Как глупо было бы говорить людям: «Знаете, а я пишу бестселлер».

Рурк действительно не понимал.

– А что в этом такого?

– Это слишком самонадеянно. Я пишу. И все. Бестселлер это или нет, решать читателям.

– Теперь ты говоришь как зануда. И это меня раздражает. Как-то ты говорила мне, что обязательно исполнишь свою мечту и опубликуешь книгу.

Рурк и правда не понимал.

– Это всего лишь мечта! – разозлилась Дженни. – Просто *мечта*.

– Не знал, что это такой большой секрет.

– Это не секрет. Просто я не болтаю об этом с каждым встречным-поперечным. Это... только мое, нечто сокровенное. Об этом не нужно всем рассказывать.

– Не понимаю почему.

– Потому что если я не исполню свою мечту, то буду выглядеть идиоткой.

Рурк расхохотался, запрокинув голову.

Дженни очень хорошо помнила, как сразу после окончания школы она, охваченная идеей уехать из города, говорила: «Когда вы в следующий раз увидите мое лицо, оно будет на обложке книги». И сама почти поверила в это.

– Ничего смешного, – тихо сказала Дженни.

– Позволь кое о чем спросить, – не унимался Рурк. – Ты считаешь идиотом того, кто хочет исполнить свою мечту?

– Я так не думаю.

Рурк улыбнулся. В его лице было столько доброты, что обида Дженни тут же сошла на нет.

– Дженни. Никто так не думает. Рассказывай людям о своих мечтах, и они станут ближе к реальности.

Дженни улыбнулась в ответ.

– Звучит словно текст из поздравительной открытки.

– Раскусила, – усмехнулся Рурк. – Это и в самом деле слова из открытки, которую я получил на свой последний день рождения.

Рурк ее поддерживал, и это было странно.

– Разве тебе не нужно куда-то ехать? – спросила Дженни. – Тебя не ждет какая-нибудь полицейская работа в этом городе грехов? – Она махнула в сторону Мэйпл-стрит, укрытой мантией свежеевыпавшего снега.

– Сейчас мне нужно быть рядом с тобой, – просто ответил Рурк.

– Чтобы собрать меня по кусочкам, если я начну разваливаться?

– Ты не развалишься.

– Откуда такая уверенность?

Рурк снова улыбнулся:

– Потому что сначала тебе нужно написать бестселлер.

Дженни подумала об обгоревшем, покрытом пузырями ноутбуке.

– Ага. В том-то все и дело, Рурк. Проект, над которым я работала... он был не на жестком диске. Он был вон там.

Дженни показала на черный скелет сгоревшего дома. Когда она думала о коробке с бабушкиными рецептами и записями, которую так беспечно оставила на кухонном столе, к ее горлу подступала тошнота. Теперь эти уникальные бумаги навсегда утеряны. Так же как фотографии и вещи бабушки и дедушки.

– Может, бросить все это дело? – сказала Дженни.

– Нет, – возразил Рурк. – Если ты перестанешь писать из-за пожара, значит, не так уж сильно тебе этого и хотелось.

Он сделал шаг к Дженни. От него пахло пеной для бритья и зимней свежестью. Он не стал прикасаться к ней среди бела дня, когда вокруг было много людей, но смотрел на Дженни так внимательно, что это заменяло самую нежную ласку. Возможно, Рурк все еще пребывал в шоке от фотографии на первой полосе, ведь она была далеко не моделью.

Потом он все же коснулся ее, но обнимать не стал, а взял за плечи и развернул лицом к сгоревшему дому.

– Посмотри, истории, которые ты хочешь написать, вовсе не там, – сказал он. – Их там никогда не было. Они уже в твоей голове. Тебе просто нужно их записать. Так, как ты всегда это делаешь.

Дженни кивнула, изо всех сил стараясь поверить словам Рурка. Но это отняло у нее последние силы. Силы отнимало абсолютно все. У Дженни ныла голова, словно мозг готов был вот-вот взорваться.

– А ты не шутил, – сказала она Рурку. – День и вправду был тяжелым.

– Ты в порядке? – спросил он. – Все еще на пятерочку?

Дженни удивилась, что Рурк это запомнил.

– Я слишком растеряна, чтобы чувствовать тревогу.

– У меня хорошие новости. Сейчас будет обеденный перерыв.

– Слава богу.

Они сели в машину, и Рурк спросил:

– Куда? В пекарню? Назад домой отдохнуть?

«Ах, если бы домой», – с горечью подумала Дженни.

– У меня же больше нет дома, забыл?

– Нет, это не так. Ты останешься у меня. И проживешь столько, сколько потребуется.

– И как это будет выглядеть? Начальник полиции сожительствует с бездомной женщиной.

Рурк улыбнулся и завел мотор.

– Я слышал сплетни и похуже.

– Я позвоню Нине. Могу пожить у нее.

– Она же отправилась на какой-то там съезд?

– Тогда Лоре.

– У нее квартира меньше почтовой марки.

Рурк был прав. Лора жила в крохотной квартирке на берегу реки, и идея ее потеснить Дженни не понравилась.

– Тогда я получу в банке обещанную минимальную выплату и...

– А может, хватит уже? Я ведь не маньяк. Ты остаешься у меня. Тема закрыта.

Дженни взглянула на Рурка, удивленная его спокойствием.

– Что такое? – спросил он и посмотрел на свою накрахмаленную рубашку и голубой галстук. – Я пролил на себя кофе?

Ничего не ответив, Дженни лишь пристегнула ремень.

– Я просто размышляла. Тем или иным способом с самого детства ты постоянно спасал меня.

– Правда? Тогда тебе стоит мне довериться, – Рурк одной рукой повернул руль, направив машину вниз по холму в сторону города. Он надел солнцезащитные очки и отрегулировал зеркало заднего вида. – Иначе справиться с твоими демонами будет сложнее.

Глава 4

Дэзи Беллами стояла на только что подметенном тротуаре перед зданием авалонской школы. Она смотрела на него, и ее сердце готово было вырваться из груди. *Ее новая школа.* Кирпичное здание в готическом стиле, одно из тех, которые часто можно встретить в старых городках.

Дэзи не могла в это поверить. Она, девушка из Верхнего Ист-Сайда, теперь будет жить здесь, в каком-то богом забытом городке.

«Я слишком взвинчена», – подумала Дэзи, чувствуя, как сжимается желудок.

Неужели всего две недели назад она училась в одной из самых престижных школ Нью-Йорка? Сейчас ей казалось, что это было в прошлой жизни.

Из-за отца Дэзи пришлось переехать в глухомань, где ей предстоит доучиться последний год в самой обычной школе.

Конечно, любой сказал бы, что решение переехать сюда и поменять школу пришло из-за того плохого поступка Дэзи. *Плохого поступка.* Какая чушь.

Дэзи стояла на заснеженной улице и не понимала, что она, собственно, здесь делает. Она словно находилась не в своем теле, а незримо висела в воздухе и наблюдала за собой, одинокой фигурой среди снега. Обходя эту фигуру, прохожие не прекращали своих разговоров и не обращали на нее ровно никакого внимания.

Нет. Не так. Кто-то все же обращал. Две девушки увидели Дэзи, потом склонили друг к другу головы и зашептались. А через минуту несколько парней из футбольной команды окинули Дэзи оценивающими взглядами. Их свист и пошлые возгласы действовали на нее как ушат холодной воды.

Пушай шепчутся, пушай свистят. Почему это должно ее беспокоить?

С таким настроением Дэзи вошла в кабинет приемной комиссии. В помещении было душно и влажно. Как и в любой государственной школе, здесь пахло потом и шерстью. Дэзи сняла клетчатый шарф и перчатки. Люди по ту сторону деревянной, испещренной царапинами стойки то и дело отвечали на телефонные звонки, смотрели в экраны мониторов, перебирали бумаги в коробках на столе.

Женщина с уставшим лицом, сидевшая за письменным столом, взглянув на Дэзи, спросила:

– Могу я вам помочь?

Дэзи расстегнула замшевую куртку с оторочкой из искусственного меха.

– Меня зовут Дэзи Беллами. Сегодня мой первый день в этой школе.

Женщина начала что-то искать в коробках на рабочем столе. Достав папку, она направилась к стойке, медленно переваливаясь с ноги на ногу, как обычно ходят беременные. Ее живот был огромным. Дэзи старалась на него не смотреть.

– Что ж, хорошо, – сказала женщина. – Все записи на месте. Ваш отец заходил к нам в пятницу, так что все в порядке.

Внезапно почувствовав головокружение, Дэзи кивнула. Скоро сюда приедет ее отец. Несмотря на то что Дэзи умоляла его этого не делать. Ведь Макс, ее брат, был всего лишь пятиклассником и нуждался в присутствии отца гораздо больше, чем она. Гораздо больше.

Дэзи рассказали расписание занятий, вручили схему здания, объяснили, где находится нужная аудитория, и сообщили код личного шкафчика. В этой школе была сложная система звонков: обычный, для совещаний, обеденный... но Дэзи пропустила эту информацию мимо ушей. Она посмотрела номер аудитории, указанный на розовом листке, и вышла в коридор с кафельными стенами.

Повсюду были ученики. Стоял запах промокшей от снега одежды. Дети смеялись и хлопали дверцами шкафчиков. Дэзи прошла к своему и, набрав нужную комбинацию, открыла металлическую дверцу. Судя по нарисованным внутри замысловатым граффити, предыдущий владелец увлекался хип-хоп-музыкой.

Дэзи сняла куртку, шарф и перчатки. Хорошо было бы надеть сегодня что-нибудь неброское, не привлекающее внимания, но это было не в ее духе. Единственное, что ей нравилось при переходе в новую школу, – это отсутствие обязательной формы. Дэзи решила воспользоваться этим по полной программе, поэтому надела джинсы на бедрах и короткий свитер, который открывал пирсинг в пупке – так она выражала протест против воли родителей. Дэзи не знала, как будущие одноклассники отнесутся к ее внешнему виду, но чувствовала себя превосходно.

Дэзи зашла в аудиторию номер 247, прошла мимо остальных учеников к учительскому столу.

Неужели этот парень – учитель? Выглядел он достаточно молодо. Его брюки были слегка помяты, голубая рубашка измята изрядно, а о красивом, но изжеванном галстуке и говорить было нечего.

– Дэзи Беллами, – представилась Дэзи, протянув учителю папку, которую ей дали в приемной комиссии.

– Энтони Романо, – ответил учитель, поднимаясь со своего места и одаривая Дэзи теплой улыбкой. – Добро пожаловать в старшую школу Авалона.

У учителя были большие карие глаза. Держался он дружелюбно и выглядел необыкновенно смазливый.

– Хотите, я представлю вас классу?

По крайней мере, учитель спросил ее разрешения. При этом он выглядел таким счастливым, что Дэзи просто не могла отказать. Она кивнула и повернулась к шумному классу.

– Внимание, – произнес мистер Романо неожиданно властным голосом и постучал по доске. – Сегодня к нам пришла новая ученица.

Фраза «новая ученица» подействовала на класс волшебным образом. Все взгляды тут же обратились к Дэзи. Она представила, что участвует в очередной школьной сценке. Дэзи с четырех лет посещала театральный кружок, с тех пор как сыграла ангелочка в рождественской постановке. А прошлой весной ей дали главную роль в мюзикле. Дэзи представила, что класс – это ее зрители, и улыбнулась.

– Это Дэзи Беллами. Надеюсь, вы хорошо ее примете и расскажете о школе.

– А ты не из киогских Беллами? – спросил кто-то из класса.

Дэзи была удивлена тем, что кто-то здесь знает ее семью. В большом городе нужно носить фамилию Рокфеллер, владельца известной марки одежды или сети отелей, чтобы люди обратили на тебя внимание.

– Это мои бабушка и дедушка, – кивнула Дэзи.

Название «Киога» вызвало у Дэзи воспоминания о семейном поместье, расположенном высоко в горах неподалеку от Авалона. Когда-то это место было знаменитым водным курортом для обеспеченных ньюйоркцев. Лагерь «Киога» уже давно закрылся, но тем не менее до сих пор принадлежал семье Беллами. Дэзи была там лишь однажды, прошлым летом. Она помогала своей кузине Оливии готовить поместье для празднования пятидесятилетия со дня свадьбы бабушки и дедушки.

– Дэзи, занимай место вот там, между Соннет и Заком. – Мистер Романо указал на парту, за которой сидели светловолосый парень и девушка-афроамериканка с высокими, точно у модели, скулами и безумно ярким маникюром.

– Слава богу! – воскликнула Соннет. – Теперь мне не придется смотреть на него.

– Соннет! – оборвал ее мистер Романо.

– Да не важно. – Соннет откинулась на спинку стула и скрестила руки.

Дэзи думала, что учитель выгонит Соннет из класса – так обычно поступали в ее старой школе, – но вместо этого он повернулся к доске и начал что-то писать.

– Колач? – спросил парень по имени Зак.

Дэзи поняла, что он обращается к ней. Зак держал в руке зажатую в салфетке румяную булочку. От ее свежего, сладкого запаха у Дэзи слегка закружилась голова.

– Да нет, спасибо, – удивленно пробормотала она. – Я уже позавтракала.

– Благодарю. – Соннет перегнулась через парту и схватила булочку.

– Хрю-хрю, – выказал недовольство Зак.

– Вообще-то он умеет разговаривать, – заметила Соннет, откусывая булочку. – Возможно, он еще и фокусы умеет показывать.

– И сейчас я наколдую, чтобы ты исчезла, – парировал Зак.

Слушая, как эти двое обмениваются остротами, Дэзи почувствовала себя на матче по настольному теннису. Она прочистила горло.

– Я работаю в пекарне «Скай-Ривер», – сказал Зак. – В утренней смене. Так что, если с утра хочется свежих булочек, обращайся ко мне.

– Каждый должен быть хорош хотя бы в чем-то, – сострила Соннет, глядя на Зака с сочувствием.

– Точно, – ответил он. – Я хорошо пеку булочки, а Соннет хороша в их поедании. И это видно по размерам ее задницы.

– Ладно, – внезапно сказала Дэзи, теперь прекрасно понимая, почему учитель посадил ее между этих двоих. – Мы убьем его сейчас или дождемся звонка?

Соннет пожала плечами:

– По мне, так чем быстрее, тем лучше.

Зак потянулся и закинул руки за голову.

– Я нужен тебе. И ты это прекрасно знаешь. Ты умрешь от ломки, если я не буду приносить тебе булочки каждый день. А вы слышали о пожаре? – вдруг спросил Зак, меняя тему. – Дом Дженни сгорел дотла.

– Чушь, – мотнула головой Соннет.

– Нет. Клянусь богом, я не придумываю. Возможно, об этом написали в газете.

Дэзи слушала с интересом. Она имела отношение к этой пекарне благодаря родственным связям. Пекарня принадлежала Дженни Маески, и, как поняла Дэзи, это была та самая Дженни, о которой говорил Зак. Дженни приходилась дочерью дяде Дэзи, Филу. Таким образом, Дженни и Дэзи двоюродные сестры, правда, незнакомы друг с другом.

– А с Дженни все в порядке? – поинтересовалась Соннет.

– Да. Но я удивлен, что она не у твоей мамы.

– Дженни и моя мама – лучшие подруги, – объяснила Соннет для Дэзи. – А мама уехала из города на съезд мэрии. Она возвращается сегодня.

– Ого! – воскликнула Дэзи. – Твоя мама работает у мэра?

Соннет откусила от колача.

– Она и есть мэр.

– Ух ты, здорово! – воскликнула Дэзи.

– Но это ненадолго, – вмешался Зак. – Мой отец обойдет ее на следующих выборах.

– Ну да. Конечно. Удачи ему, – с улыбкой ответила Соннет.

– Он градоначальник. И сделал многое для того, чтобы город стал богаче. Людям это нравится, – возразил Зак.

– Ну конечно! Им нравятся сокращения на работе, как тогда, когда закрыли городской бассейн? И что твой отец закроет в следующий раз? Библиотеку? – Соннет доела булку и вытерла руки салфеткой.

Разговор прервал голос из радиоприемника. После занятий состоится собрание клуба дебатов, а хоккейная команда вместе с еще каким-то клубом устраивают вечеринку. Это показалось Дэзи заманчивым, но Соннет предупредила ее, что выйти в лес и сварить сироп из кленового сока – это лишь предлог, чтобы покурить травку. Потом, к огромному удивлению Дэзи, все ученики встали и, повернувшись к флагу в углу комнаты, начали произносить клятву верности американскому флагу. Слова сами приходили к Дэзи откуда-то из глубины сознания, хотя она считала, что давно их забыла.

– Давай посмотрим на твое расписание, – предложил Зак.

Дэзи положила листок на стол, и они вдвоем склонились над ним.

– Ого! – воскликнул Зак. – Теоретическая и экспериментальная физика? Углубленное изучение английского? Ты что, мазохистка?

– Я не выбирала, – объяснила Дэзи. – В моей бывшей школе мне приходилось изучать пять предметов с углубленной программой. – Она поерзала на стуле. – Это была действительно сложная школа.

– Ты отучилась половину последнего года и тебя отправили в нашу глухомань? – удивилась Соннет. – Жестоко.

– Я упрашивала отца позволить мне остаться в городе, – сказала Дэзи, хотя на самом деле она скорее не упрашивала, а вопила во все горло. – Я даже предлагала обучать меня на дому, но он и слышать не хотел.

– Почему?

– Он сказал, что совершенно забыл физику. А я ответила: ну что же, значит, мы провалим ее вместе.

– Не самый лучший способ в чем-то убедить отца, – заметила Соннет. – Вообще удивительно, что здесь для тебя нашлись предметы.

Дэзи не стала говорить, что ее прежних оценок достаточно, чтобы окончить эту школу раньше срока. Однако это означало, что ей придется начать самостоятельную жизнь, а Дэзи была к этому абсолютно не готова.

Сравнив расписания, Дэзи обнаружила, что у нее есть несколько общих предметов с Соннет, Заком и обоими сразу. Соннет была кем-то вроде вундеркинда. В свои шестнадцать лет она готовилась окончить школу в июне, вместе с остальными выпускниками. Несмотря на то что Соннет с Заком постоянно пикировались, они явно друг другу нравились. Но определенно оставались соперниками.

– Это довольно странно, – согласился Зак. – Не могу дождаться, когда, наконец, окончу эту школу. Я подал заявку на поступление в колледж еще в октябре. А ты?

Дэзи уткнулась в свою девственно чистую тетрадь.

– Я тоже подала заявку, – кивнула она.

Учителя из другой школы держали ее чуть ли не под домашним арестом, заставляя заполнять бесчисленные заявления на поступление.

– Вообще-то я не хочу идти учиться в колледж, – призналась Дэзи.

Соннет и Зак, казалось, восприняли это с пониманием. В бывшей школе Дэзи это было все равно что сказать: «У меня СПИД». Люди смотрели на тебя с жалостью, за которой скрывалось отвращение.

И Дэзи считала, что больше всего жалости и отвращения было во взгляде ее собственных родителей.

Зак и Соннет вовсе не смотрели на нее с сочувствием. Похоже, в этой школе считается нормальным, если кто-то не планирует становиться ученым и не хочет работать в Верховном суде.

Раз так, подумала Дэзи, возможно, сегодняшний день не такой уж и плохой. Какой приятный сюрприз! Но что ждет ее в других аудиториях?

Прозвенел звонок, и весь класс зашелестел тетрадями и учебниками, укладывая их в рюкзаки. Все направились к выходу. Коридор был похож на русло реки, только уносил он с собой не листья, а учеников.

Зак остановился возле двери, обклеенной рекламой поездок во Францию.

– Мне сюда, – сказал он. – Увидимся за обедом. – И скрылся в аудитории.

– А у тебя есть парень? – спросила Соннет.

Парень? Если бы Соннет спросила ее про кратковременные встречи с парнями, Дэзи ответила бы не раздумывая.

– У меня нет парня, – сказала она. – А почему ты спрашиваешь?

– Потому что Зак явно на тебя запал. С той самой секунды, как ты вошла в аудиторию.

– Мы даже толком не знакомы.

– Мы с Орландо Блумом тоже незнакомы, но я точно знаю, что согласилась бы стать его сексуальной рабыней до конца своих дней.

– Поверь мне, я не хочу быть ничьей рабыней.

Мы это уже проходили, подумала Дэзи.

– Кроме того, – добавила она, – он ходит хвостом за тобой. Он запал на тебя, а не на меня.

Соннет потрянула головой, отчего ее локоны подпрыгнули, словно пружинки.

– Зак меня ненавидит.

– Точно. Так сильно ненавидит, что каждое утро приносит тебе булочки.

– Ты такая умная. Почему тогда не идешь в колледж?

– Я пока ни в чем не уверена. – Дэзи уловила едва заметную теплоту в глазах Соннет, и в ее сердце зародилась надежда на начало крепкой дружбы. – Мне нравится имя Соннет, – сказала она, не желая больше говорить о себе.

– Спасибо. Мама говорит, что назвала меня так потому, что не хотела давать мне какое-нибудь этническое имя. Всех моих родственниц со стороны мамы зовут Лучия, Марайя и все в таком роде. Соннет... странное имя.

– Странное в хорошем смысле, – уверила ее Дэзи.

– Мама рассказывала, что перед тем, как у нее начались схватки, она читала сонеты Шекспира. – Бархатный взгляд карих глаз Соннет смягчился. В них появилось что-то, чего Дэзи никак не могла прочесть.

– Так твоя фамилия Романо? Как и учителя? – заметила Дэзи, прочитав имя Соннет на ее тетради. – Это совпадение?

– Это мой дядя Тони, – объяснила Соннет. – Мамин брат.

Они совсем не похожи, подумала Дэзи, но вслух ничего не сказала.

– Каково это – учиться у своего дяди?

– Я привыкла. В Авалоне миллион Романо, и половина из них – учителя, так что этого было бы трудно избежать.

– Значит, ты носишь фамилию матери, а не отца, – заметила Дэзи, надеясь, что это не большая тема.

Очевидно, так и было.

– Моя мама не замужем, – быстро сказала Соннет. – Они с отцом никогда не были женаты.

– Вот как. – Дэзи не знала, что на это сказать. Но она была точно уверена, что фраза «Мне жаль» в данной ситуации не подходит. Дэзи окинула взглядом шумный холл. – У меня разыгралось воображение или здесь три учителя с фамилией Романо?

Соннет печально улыбнулась:

– Это только вершина айсберга. Романо повсюду. Некоторые люди говорят, что именно по этой причине моя мама пробилась в мэры. У нее восемь братьев и сестер. А что насчет тебя? – спросила Соннет. – Расскажи о своих родителях.

Разведены. Это было первое, что пришло Дэзи в голову.

– Моя мама родилась в Сиэтле, но как-то летом она поехала на заработки в «Киогу», где встретила моего папу. Они были совсем молоды, когда поженились. Мама окончила юридический факультет, а папа – факультет архитектуры. Казалось бы, все прекрасно. Мама получила работу в крупной международной юридической фирме, а папа основал компанию по ландшафтному дизайну. В прошлом году мамина лучшая подруга из Сиэтла заболела раком, и маму как подменили. Она заявила, что просто притворялась счастливой, несла какую-то чушь вроде того, что, чтобы стать по-настоящему счастливой, ей нужен развод. – Дэзи вздохнула. Она почувствовала усталость. В последние дни Дэзи уставала от всего. – Меня это не трогает, ведь я скоро переезжаю от родителей. А вот моему брату Максусу, которому всего одиннадцать, приходится нелегко.

– А как случилось, что вы с братом остались с отцом?

– Моя мама сейчас занимается одним делом в Международном суде в Гааге. В Голландии.

Соннет оказалась замечательной подругой. У них с Дэзи были два совместных урока, и Соннет представила ее остальным ученикам. Некоторые смотрели на Дэзи с подозрением, но остальные были дружелюбны. Дэзи была слегка ошеломлена, но старалась оставаться искренней. На уроке истории они изучали древние способы похорон и говорили о пирамидах из камней, которые служили обозначением места захоронения и защищали тело от падальщиков.

Потом настало время обеда, и к Дэзи с Соннет присоединился Зак. Школьный кафетерий был огромным, с большими батареями и высокими запотевшими окнами. Здесь стояли длинные обеденные столы, за которыми группками расположились ученики.

– Отлично, – сказал Зак. – Значит, так. Вот там сидят спортсмены. С ними можно нормально пообщаться, но только если тебе нравится до посинения говорить о спорте. Основными видами спорта нашей школы являются хоккей и бейсбол. Стол в самом конце – школьный театр. Танцоры, актеры, певцы. Стол скейтеров виден сразу. В нашем городе скейтеры и сноубордисты – это одно и то же. Катаешься?

– На лыжах, – ответила Дэзи.

– Тогда ты им не подходишь. – Зак двинулся дальше, продолжая краткую экскурсию: готы, ботаники, металлисты.

В кафетерии пахло луком, и Дэзи ощутила приступ тошноты. Она встала в очередь за Соннет и взяла только тарелку с фруктами и бутылку воды.

– О боже. – Соннет взглянула на поднос Дэзи с тревогой. – Ты больна?

Дэзи рассмеялась:

– Поверь мне, это не так. Просто сейчас я не голодна.

Они сели за стол, где собралась абсолютно разношерстная компания. Зак отправился за добавкой, а Соннет подперла рукой подбородок и принялась внимательно изучать Дэзи.

– Чего-то ты недоговариваешь.

Дэзи лениво откусила кусочек ананаса. *Абсолютно верно.*

– Не понимаю, чего именно. Почему девушка, которая готовится к поступлению в колледж в одной из лучших школ страны, внезапно посреди учебного года переводится в другую школу и решает не идти в колледж?

Дэзи не ответила. Ответить было нечего. Соннет напоминала ей ястреба, который парил кругами над ее головой и с каждым кругом спускался все ниже и ниже, подбираясь к истине.

Нужно просто привыкнуть к изучающим взглядам и неожиданным вопросам, решила Дэзи. Она надеялась, что у нее будет достаточно времени освоиться в школе, чтобы люди успели узнать ее лучше. Тогда они сформируют свое мнение о ней до того, как правда выйдет наружу. До того, как все узнают секрет, который она хранит в своем сердце.

Глава 5

Этот понедельник ничем не отличался от остальных. К такому выводу Дженни пришла, снова отправившись к руинам дома номер 472 по Мэйпл-стрит. На этот раз они приехали сюда со следователем. На этой неделе начиналась операция по спасению имущества. Ее успех казался Дженни весьма сомнительным, однако Рурк уверял, что она еще удивится.

Рурк остановил машину на обочине дороги. Когда они выбрались наружу и Дженни взглянула на Рурка, у нее перехватило дыхание. Она не привыкла находиться рядом с такими красивыми мужчинами. Рурк действовал на нее странным образом. Ее мозг отказывался работать.

Рурк заметил, что Дженни на него смотрит.

– Что-то случилось?

– Я правда думаю, что мне лучше уехать. Я имею в виду – уехать из твоего дома.

– Ты остаешься. По крайней мере, сейчас это самая лучшая идея.

– Мне неловко. Люди будут говорить.

– Это всегда было твоей проблемой, Дженни. Ты всегда беспокоилась о том, что скажут люди.

Как интересно слышать это от Рурка.

– Хочешь сказать, ты совсем не беспокоишься об этом?

– А что, похоже?

Дженни вспомнила женщин, с которыми он встречался.

– Наверное, нет. Зато я беспокоюсь.

– Послушай, никто ничего такого не подумает. Ты – потерпевшая, я – начальник полиции. Сам бог велел.

– Чудненько, – бросила Дженни, проходя мимо Рурка, и направилась к руинам дома.

Мыском ноги Дженни подцепила и перевернула то, что некогда было деревянным ящиком для папок. В нем она хранила все свои тетради. Как только Дженни научилась писать, она записывала все свои секреты, все свои девичьи мечты, все свои мысли в тетради на кольцах и складывала их в этот ящик. От них остались почерневшие страницы, легко рассыпающиеся при малейшем касании. Некоторые страницы сохранились, но промокли от воды из пожарного шланга.

«Как же я теперь вспомню, – подумала Дженни, – как я вспомню девочку, которой была когда-то?»

Стоя посреди разрушенного дома, единственного, который она когда-либо знала, Дженни приказала себе не расстраиваться из-за каждой потерянной вещи. Это глупо. Ведь если она будет оплакивать каждую мелочь, то это продолжится вплоть до Страшного суда. Дженни запустила руку в карман, где лежала коробочка с таблетками. Этим утром она купила новую. Держись, приказала она себе, а потом взглянула на Рурка Макнайта, и ее охватило незнакомое, странное чувство. Надежность. Безопасность. Более того – слабый лучик надежды. А ведь ей даже не пришлось принимать таблетку.

Дженни не знала причины этих чувств. Рурк просто стоял и смотрел на нее так, словно готов был броситься ради нее под поезд, если это потребуется. И Дженни верила ему. Она ему доверяла. Чувствовала себя в безопасности рядом с ним. И это делало ее в одинаковой степени самой мудрой и самой глупой женщиной в городе.

Дженни отвлек звук мотора. Она повернулась и увидела, как из серебристого «лексуса» вышла Оливия Беллами и теперь быстро направлялась к ней. Красивая блондинка в дизайнерских ботинках и украшенной вышивкой куртке, она походила на тех женщин, с которыми обычно встречался Рурк. Лишь с одним отличием: Оливия обладала умом.

– Дженни. – Оливия обняла ее и отступила на шаг. – Мне только что сказали. Слава богу, с тобой все в порядке. – Она в изумлении посмотрела на то, что осталось от дома, и добавила: – Мне так жаль.

– Спасибо, – ответила Дженни, чувствуя неловкость. Они с Оливией были единокровными сестрами, но толком не знали друг друга. Первый раз встретились прошлым летом, почти случайно. Оливия приехала из Нью-Йорка привести в порядок летний дом семьи Беллами, расположенный высоко в горах на берегу озера Уиллоу.

Узнать, что они обе дочери Филиппа Беллами, было... сначала поразительно, а потом неприятно. Дженни была результатом увлечения молодости, Оливия родилась от женщины, с которой Филипп состоял в браке, а позднее развелся. И теперь Дженни и Оливия все еще свыкались с мыслью о том, что они сестры. В отличие от веселых близняшек из фильма «Ловушка для родителей»⁴, Дженни и Оливии приходилось продирается сквозь дебри непонимания.

– Нужно было сразу же звонить мне! – возмутилась Оливия. Она бросила быстрый взгляд на Рурка. – Привет, Рурк, – и снова повернулась к Дженни: – Почему ты мне не позвонила?

– Я... э-э-э... когда случился пожар, я была в пекарне, а потом... – Дженни вдруг почувствовала себя виноватой. Она не знала, как вести себя с новообретенной сестрой. – Потом началась такая суeta. Можешь себе представить.

– Прошу прощения, – извинился Рурк. Его позвал начальник пожарной охраны, и он отошел в сторону.

– Я не могу представить, – возразила Оливия и взяла Дженни за руку. – О, Дженни! Я хочу помочь. Что я могу сделать? – Оливия, казалось, была в искреннем отчаянии. – Я готова помочь. Всем, чем могу.

Дженни заставила себя улыбнуться. Она была бесконечно благодарна за то, что после смерти бабушки у нее осталась сестра. Если бы не Оливия, ей, потерявшей свой дом, было бы совсем одиноко. В то же время, думая о тех годах, что они потеряли, Дженни ощущала щемящую грусть. Она выросла в городе, где ее окружали Беллами, не подозревая о родственных связях между ними. Они с Оливией были такими разными. Оливия родилась в богатой семье Беллами, окруженная роскошью и привилегиями. Будучи обожаемым – и, по словам самой Оливии, избалованным – единственным ребенком в семье, она посещала лучшие школы, с отличием окончила Колумбийский университет и к двадцати четырем годам основала собственный бизнес. Оливия была красивой, успешной... и встречалась с замечательным человеком по имени Коннор Дэвис. Оливии завидовали. И эта зависть часто перерастала в неприязнь.

Но Дженни Оливия очень нравилась. Правда нравилась. Ее единокровная сестра была доброй и забавной и искренне хотела завязать с Дженни дружбу. Дженни где-то читала, что настоящей проверкой отношений являются кризисные ситуации.

«Так что скоро я узнаю правду», – подумала она.

Набрав в грудь воздуха, Дженни сказала:

– Я сейчас сбита с толку всем произошедшим. Надеюсь, ты простишь меня?

– Прошу? Боже мой, Дженни, ты, должно быть, не в себе.

– Ну, если ты так считаешь...

– Боже, послушай! Я отвратительна!

– Все в порядке. Сейчас действительно не до приличий.

Между ними воцарилось неловкое молчание. Дженни всматривалась в лицо сестры. Она часто пыталась отыскать хотя бы какие-нибудь общие черты. Разрез глаз? Форма подбородка,

⁴ «Ловушка для родителей» – фильм, снятый компанией Уолта Диснея в 1961 году. В 1998 году был снят ремейк фильма с Линдсей Лохан в главной роли. Фильм повествует о двух девочках-близняшках, познакомившихся в летнем лагере и узнавших, что они сестры.

линия скул? Их отец клялся, что они похожи, но Дженни считала, что он выдает желаемое за действительное.

– Послушай, ты действительно можешь помочь. Мне нужна новая одежда.

– Тебе нужно абсолютно все, – добавила Оливия. – Садись в машину.

Наконец-то Дженни почувствовала облегчение и благодарность за заботу. Она подошла к Рурку.

– Мы закончили здесь?

– На данный момент – да. Большую часть дня следовательно будет занят работой.

– Хорошо. Я поеду с Олив, моей сестрой, куплю кое-какие вещи.

Дженни произнесла это вслух с удовольствием. *Моей сестрой.*

– Позвони мне, – попросил Рурк.

Дженни не могла найти предлог, чтобы отказаться. Во время пожара мобильник находился с ней в сумочке, с ним было все в порядке. И Рурк уже купил новое зарядное устройство для него. Дженни села в машину Оливии. Под тяжестью ее тела мягкое кожаное кресло испустило тихий вздох. У богатых людей все по-другому. Даже их машины какие-то необычные.

– Где ты остановилась? – спросила Оливия.

Дженни ничего не ответила, но взгляд в сторону Рурка выдал ее.

– Ты живешь у него?

– Это лишь временно.

– Я не говорю, что это плохо, – поспешила успокоить Оливия. – Но... Рурк Макнайт? Я имею в виду, если к этому прибавить ту фотографию из газеты, то это... я не знаю... выглядит...

– Как?

– Как... Как будто вы...

– Я и Рурк? – Дженни тряхнула головой, гадая, как много о них знает Оливия. – Не в этой жизни.

– Никогда не говори «никогда». Я говорила так насчет Коннора, и взгляни, что из этого вышло! Летом у нас свадьба.

– Думаю, только ты удивлена этому.

– Что ты имеешь в виду?

– Вы с Коннором просто созданы друг для друга. Все это видят.

Оливия широко улыбнулась:

– Знаешь что, оставайся у нас.

«Без обид, – подумала Дженни, – но я охотнее соглашусь на визит к стоматологу».

Оливия и Коннор жили в самом роскошном доме на берегу реки. Они строили свою обитель из камня, дерева и романтических надежд, и Дженни не сомневалась, что их ожидает счастливое будущее. Однако пока дом был закончен только наполовину, поэтому Оливия и Коннор ютились на участке в старом трейлере. И он не был предусмотрен для приема гостей.

– Это очень мило с твоей стороны. Но, спасибо, не стоит.

– Я тебя не виню, – сказала Оливия. – Я сама живу там лишь потому, что это временно. Коннор обещает закончить дом к апрелю. Я все время напоминаю себе, что он архитектор, а они вечно путаются со сроками.

– Но не в случае со своими невестами, я надеюсь.

Прежде чем Оливия успела завести мотор, с их машиной поравнялся издававший виды пикап Нины Романо, которая жестом показала опустить оконное стекло. Лучшая подруга Дженни всегда отличалась простотой. Она часто носила одежду, купленную на распродажах, из-за чего оппоненты прозвали ее «счастливой хиппи». Но самоотверженность Нины, направленная на благо общества, вкупе с железной хваткой сделали ее популярной среди избирателей.

– Я слышала, ты переехала к Рурку, – сказала Нина без всякого вступления и заглянула в автомобиль. – Привет, Оливия.

Оливия приветливо улыбнулась.

– Я обожаю жить в маленьком городке. Здесь всегда есть о чем поговорить.

– Я не переезжала к Рурку, – вспыхнув, возразила Дженни.

– А я слышала другое, – ответила Нина.

– Рурк приехал ко мне в пекарню среди ночи и заявил, что мой дом сгорел. Я отправилась к нему, потому что устала как собака и было рано звонить кому-то еще. И я все еще у него потому, что... – Дженни замолчала. Она не собиралась рассказывать о том, как мастерски Рурк варит кофе, о его великолепном постельном белье и возникшем у нее чувстве безопасности рядом с ним.

Нина засопела носом и высморкалась.

– Извините. В Олбани я подхватила простуду. Ты могла бы поехать ко мне. Меня не было в городе, но Соннет не стала бы возражать.

Дженни знала, что у Нины свободного места было не больше, чем в трейлере Оливии. Она жила с дочерью в маленьком одноэтажном доме. Зарплата мэра была так мала, что этот пост считался чуть ли не волонтерским.

– Спасибо, – ответила Дженни, – но, как я говорила, это временно, пока не решу, что делать дальше.

Как обычно, у Нины было полно дел. У нее зазвонил телефон, и ей пришлось умчаться на важную встречу.

– Позвони мне, – одними губами произнесла Нина, заводя мотор.

Дженни и Оливия приехали на главную городскую площадь, где бок о бок располагались пекарня, ювелирный магазин, книжный магазин, множество бутиков и туристских лавок. Дженни и Оливия направились к одному из бутиков с одеждой.

Ходить по магазинам с сестрой оказалось неожиданно приятным занятием. И подбирать весь свой гардероб с нуля было просто восхитительно. Дженни настояла на том, чтобы все покупки свелись к минимуму.

– У меня такое ощущение, что некоторое время я буду путешествовать, – сказала она. – До сих пор не могу поверить, что моих вещей больше нет.

Глаза Оливии заволокла дымка.

– О, Дженни. – Она достала мобильный телефон. – Мы должны обо всем рассказать папе. Немедленно.

– Нет, не нужно. – Дженни никогда не называла своего отца папой. Возможно, никогда и не назовет. До прошлого лета единственной информацией, которой Дженни о нем располагала, была загадочная пометка в свидетельстве о рождении: «Отец неизвестен». Узнав друг о друге, они попытались познакомиться ближе. Но тем не менее в сознании Дженни этот человек был не папой, а Филиппом. Весьма приятным джентльменом, который в молодости совершил ошибку, влюбившись в мать Дженни, Маришку.

– Хорошо, – сдалась Оливия. – Но ты должна рассказать ему о случившемся.

– Да. Я позвоню ему позже.

– И... – Оливия осеклась, на ее щеках проступил румянец, – еще я должна сказать, что моя мать и бабушка с дедушкой – семья Лайтси – скоро приедут сюда, чтобы помочь мне со свадьбой.

– Хорошо, – ответила Дженни. – Спасибо, что предупредила.

– Тебе будет неприятно встретиться с ними?

Увидеться с женщиной, на которой женился отец, после того как расстался с Маришкой? Что здесь может быть неприятного?

– Мы все – взрослые люди. Справимся.

– Спасибо. Мамины родители, бабушка и дедушка Беллами останутся друзьями навеки. Я думаю, они вчетвером решили, что мои мама и папа поженятся, еще задолго до того, как они встретились. Наверное, поэтому те в конечном счете и развелись. Возможно, женитьба была для них не самым главным.

К своему стыду, Дженни легко могла представить, как можно выйти замуж только потому, что это правильно и так принято. Давным-давно она сама чуть было так не поступила. Продолжая размышлять, Дженни примерила юбку и бюстгальтер. Оливия обладала великолепным вкусом. Дженни выбрала семь комплектов нижнего белья. И хотя ее взгляд привлекли соблазнительные кружева, она все же остановила свой выбор на простых трусиках-шортах. Ей хотелось быть практичной.

Оливия подошла к витрине с пижамами. Она брала их одну за другой, откладывая в сторону старомодные модели с глухим воротом. Наконец протянула Дженни красивую розовую маечку и одобрительно кивнула:

– Может, это пригодится тебе, пока ты живешь с Рурком.

– Поверь мне, не пригодится.

– Ты не можешь знать наверняка. Послушай меня. Если бы мне кто-то сказал, что я буду жить в трейлере с бывшим заключенным, я бы подумала, что надо мной подшутили. Моя мать чуть не попала в больницу, когда я сообщила ей эту новость. Для нее это было настоящим шоком. В мае я встречалась с актером, который засветился в «Ярмарке тщеславия». В конце лета я влюбилась в Коннора Дэвиса. Я просто хочу показать тебе на примере.

– Что показать?

– Мы не выбираем, в кого влюбиться. Любовь сама выбирает нас.

– Почему у меня такое чувство, что ты пытаешься мне что-то сказать?

– Вовсе нет, – возразила Оливия, сунув Дженни в руки розовую маечку. – По крайней мере, пока что.

К концу дня Дженни вымоталась окончательно. До этого момента она воспринимала понятие «дом» как нечто должное, так же как это делает большинство людей. Простое знание того, что твой дом: твое любимое кресло, музыкальный центр, кровать, стопка книг на ночном столике – все это ожидает тебя вечером, является источником комфорта. Об этом не задумываешься, пока однажды твой дом не исчезает. Дженни шатало от изнеможения, и она с тоской вспоминала о своем доме, своей кровати. Когда Дженни с пакетами в руках переступила порог дома Рурка, усталость накрыла ее, словно огромная волна.

– Такое чувство, что ты вот-вот потеряешь сознание, – заметил Рурк.

Со двора прибежали запыхавшиеся собаки и, стряхнув с себя снег, приветливо замахали хвостами. За ними проскользнул одноглазый кот Клоренс.

– Ты угадал, – ответила Дженни.

Рурк принялся кормить питомцев, разговаривая с ними, словно они были людьми, и это неожиданно очаровало Дженни.

– Подвиньтесь, ребята, – приговаривал Рурк. – И не торопитесь глотать, а то у вас начнется икота.

Несмотря на усталость, Дженни поймала себя на том, что улыбается. Собаки уселись в ряд и с обожанием смотрели, как Рурк раскладывает еду по мискам. Почему она никогда не заводила питомцев? В доме не помешало какое-нибудь ласковое существо.

– А ты? – спросил Рурк. – Что ты хочешь на ужин?

О боже.

– Мне все равно. Я не привередлива в еде.

– Хорошо. Я не очень хорошо готовлю.

– Помощь нужна? – предложила Дженни.

– Нет. Лучше прими долгий душ, потому что сразу после него ты отправишься спать.

Дженни вспомнила об удобной кровати Рурка и, направившись в душ, почувствовала сладкое томление. Душевая, как и все в этом доме, сияла чистотой. Дженни устояла перед искушением заглянуть в шкафчик с медикаментами. Она знала, что есть такая стадия, когда получаешь о человеке слишком много информации. Кроме того, чем больше она узнавала о Рурке, тем глубже казалась его загадка.

Приняв душ, Дженни надела мягкие трико и кофту с капюшоном, которые сегодня купила, причесалась и зашла на кухню, где Рурк накрывал на стол.

– Значит, вот какова часть «служить» из фразы «Служить и защищать», – сказала Дженни.

– Я всегда отношусь к своим обязанностям серьезно, даже если это суп из консервов и бутерброды с ветчиной. Кстати, из лучшего ржаного хлеба в мире, – добавил Рурк.

– У тебя великолепный вкус, – сказала Дженни, заметив буханку традиционного польского хлеба из пекарни «Скай-Ривер». – Ты знаешь, что закваске этого хлеба больше семидесяти лет?

Рурк был озадачен. И так происходило со всеми, кого спрашивали о хлебной закваске.

– Это живая культура. Нужно часть закваски использовать для теста и сделать новое из оставшейся. Таким образом, закваска никогда не кончается. Моя бабушка получила ее от матери в день своей свадьбы в Польше. Традиционный свадебный подарок – сосновый ящик размером с обувную коробку с керамической посудой.

Бабушка привезла закваску в этом резном ящичке в Америку в 1945 году и сохраняла ее живой всю свою жизнь.

Рурк перестал жевать.

– Кроме шуток?

– Можно подумать, я это придумала.

– То есть какая-то часть моего бутерброда существовала в Польше еще до Второй мировой войны? – Рурк нахмурился. – погоди. Я надеюсь, огонь не уничтожил закваску.

– Нет. Мы храним все хлебные культуры в пекарне.

– Хорошо. По крайней мере, что-то. А если ты как-нибудь потеряешь закваску, или она закончится, или еще что-то, ты сможешь сделать новую?

– Конечно. Но она уже не будет прежней. Это как выдержанное вино. Время делает закваску лучше. А еще это традиция передавать от матери к дочери, и эта цепочка никогда не прерывалась. – Дженни взяла бутерброд. – Хотя моя мать, наверное, все же ее нарушила.

– Закваска находится в пекарне в полной безопасности, – сказал Рурк, уклоняясь от темы о матери Дженни. – Это самое главное.

– Что? Закваска для ржаного хлеба важнее моей матери?

– Я этого не говорил. Просто не хотел поднимать болезную тему.

– Поверь мне, это уже не болезная тема. Слишком много времени прошло. В данный момент у меня есть более насущные проблемы.

– Точно, – согласился Рурк. – Прости, если сказал что-то, что тебя расстроило.

«Как бережно он со мной обращается», – подумала Дженни.

– Послушай, со мной все будет в порядке, – пообещала она.

– Я и не говорил, что будет по-другому.

– Твой взгляд говорит об обратном. И твое отношение ко мне говорит об обратном.

– Какой взгляд? И какое отношение?

– Ты смотришь на меня, словно я – бомба, готовая вот-вот взорваться. И ты слишком заботишься обо мне.

– Со всей прямоотой могу сказать, что впервые женщина обвиняет меня в проявлении излишней заботы. То есть сейчас я должен... что? Извиниться?

Дженни задумалась, а не поднять ли тему о том молчании, которое они хранили эти годы? Когда-нибудь они обязательно поговорят об этом. Но не сейчас. Сейчас она слишком устала, чтобы начинать этот разговор.

– Просто прекрати это, – сказала Дженни. – Я себя странно чувствую.

– Хорошо. Я перестану. Помоги мне убрать посуду. – Рурк поднялся из-за стола. – Нет, лучше вымой ее, а я пока посмотрю телевизор.

– Не смешно, Макнайт.

В конце концов они поставили тарелки в посудомоечную машину вдвоем. Дженни заметила маленькую фотографию в рамке на подоконнике. Это была одна из немногих личных вещей Рурка. Дженни удивилась, когда разглядела на фотографии Джоуи Сантини, лучшего друга Рурка в молодости. А также человека, с которым Дженни была помолвлена. Снимок запечатлел Джоуи, солдата, который служил в провинции Кунар в Афганистане. Сзади него находилась пустынная взлетная полоса и грузовой вертолет. Джоуи выглядел абсолютно счастливым, и в этом был весь он: жизнерадостный, несмотря ни на что. На Джоуи была форма защитно-песочного цвета, локтем он опирался на джип и смеялся в камеру, влюбленный в этот мир, в саму жизнь, даже посреди сожженной сражениями земли.

– У меня тоже есть такая фотография, – сказала Дженни. – Вернее, *была*. Она сгорела при пожаре.

– Я сделаю для тебя копию.

У Дженни на языке вертелся вопрос: ты думаешь о Джоуи? Но ей не нужно было спрашивать. Она и так знала ответ. *Каждый день*.

– У меня есть десерт, – сказал Рурк, захлопывая дверцу посудомоечной машины и устанавливая таймер. Очевидно, он решил, что тема закрыта.

– Я не стану есть «Ну и ну!».

– Это мороженое.

– Отличный десерт для зимы!

Не обращая внимания на протесты Дженни, Рурк положил ей три шарика мороженого, каждый размером с кулак. Потом они уселись на диван и одновременно потянулись за пультом от телевизора. Рурк схватил его первым и, несмотря на нытье Дженни, отказался смотреть проект «Подиум». Он нашел канал, где транслировали реалити-шоу о мотоциклах. Спрятав пульт между диванной подушкой и своей ногой, Рурк заявил:

– Теперь ты не можешь сказать, что я излишне заботлив.

Дженни ела мороженое и смотрела, как на экране показывают какую-то сложную деталь, которую голос за кадром именовал тормозной камерой. Дженни почувствовала, как ее мозг начинает плавиться.

– Может, найдем компромисс? – спросила она. – Давай посмотрим какую-нибудь программу про расследование преступлений.

– Имеешь в виду те, которые представляют полицейских такими сексуальными и крутыми ребятами?

– А что, это не так? – спросила Дженни.

– Честно говоря, работа полицейского очень скрупулезна. Я трачу полдня на то, чтобы составить опись инвентаря, что очень удручает, так как бюджет не позволит обновить снаряжение еще года два. Глава нашего городского совета либо идиот, либо скряга.

– Ты имеешь в виду Алджера?

Рурк кивнул.

– Тогда почему ты работаешь в полиции, если там так скучно? – спросила Дженни.

– Потому что это моя работа, – просто ответил Рурк, не отрывая взгляда от экрана телевизора.

– Но почему это твоя работа? Ты мог выбрать что тебе захочется, поехать куда угодно. А вместо этого ты поселился в этом маленьком городке в горах, где никогда ничего не происходит.

По телевизору началась реклама, и Рурк повернул голову к Дженни.

– Возможно, я жду, когда что-нибудь случится, – ответил он.

Дженни умирала от желания расспросить Рурка поподробнее, но не хотела выказывать своего интереса.

– А я думала, что работа полицейского подразумевает одно приключение за другим.

– Не хочу тебя разочаровывать, но полицейские – это не те сексуальные и крутые ребята с экрана. Вот печь пироги и колачи с малиной – это действительно сексуально.

– Что ж, я тоже не хочу тебя разочаровывать, но я не пеку.

– Вот как? Но ты все равно сексуальная.

Дженни вспыхнула. В ее возрасте было глупо краснеть от слов мужчины. Особенно если этим мужчиной был Рурк Макнайт. Дженни попыталась притвориться, что его слова не оказали на нее никакого воздействия, хотя она ярко чувствовала, как горят ее щеки. Господи, неужели они флиртовали? Все становилось слишком сложным, но... непреодолимым.

– И какая это часть фразы «Служить и защищать»? – спросила Дженни, стараясь придать голосу непринужденный тон.

– Это не имеет ничего общего с работой. И ты покраснела.

– Нет.

– Конечно же да. И мне это нравится. Мне нравится, что я могу заставить тебя покраснеть.

Причем с легкостью, подумала Дженни. Все-таки между ними существовала гармония. Всегда. Она потратила годы, пытаясь это забыть, но все вернулось в прежнее русло.

– Я это запомню. С тобой действительно легко, шеф Макнайт.

– И всегда было, – добавил Рурк. – И ты первая, кто должен знать об этом.

Пицца для размышлений от Джени Маески

ТРАДИЦИЯ С СОСНОВЫМ ЯЩИЧКОМ

В Польше существует традиция дарить невесте закваску для ржаного хлеба. Я подозреваю, что эта традиция окрашена отчаянием молодых невест. Ведь это просто нечестно – вот так с ходу намекать бедной девушке, что в первую очередь она должна уметь печь хороший хлеб.

Бабушка рассказывала мне, как за день до свадьбы – а тогда она была всего лишь испуганной восемнадцатилетней девушкой – мать подарила ей резной сосновый ящичек, в точности такой, какой хранился на полке над плитой, сколько бабушка себя помнила. Приятно представлять эту цепочку, которая тянется сквозь века от матери к дочери.

Сейчас у молодых жен нет необходимости печь хлеб. Но если у вас будет настроение что-то испечь, всегда можно найти рецепт закваски, приготовление которой занимает всего одну ночь. Начинается все немного таинственно. Мука, пахта и лук смешиваются вместе, чтобы хлеб получился питательным.

Польская закваска для ржаного хлеба

2 пакетика по 0,25 унции (7 г) сухих дрожжей

1 чайная ложка сахарного песка

2 чашки воды

1 толстый кусочек лука

4 чашки ржаной муки

1 чашка пахты комнатной температуры

1 чайная ложка пищевой соды

1 столовая ложка соли

8 чашек хлебопекарной муки

1 столовая ложка тминовых семян.

Перед тем как печь хлеб, накануне смешайте в миске среднего размера один пакетик дрожжей, сахар и воду. Дайте полученной массе настояться примерно 10 минут, пока она не станет густой и кремообразной. Влейте массу в ржаную муку. Положите кусочек лука. Накройте и дайте настояться в течение ночи, после чего уберите лук.

На следующий день растворите оставшиеся дрожжи в пахте, добавьте настоявшуюся массу, соду, соль, 4 чашки хлебопекарной муки и перемешайте. Добавьте оставшиеся 4 чашки хлебопекарной муки: полчашки за один раз, перемешивая после каждого раза (возможно, вам и не потребуется досыпать всю муку). Когда тесто превратится в однородную массу, положите его на слегка присыпанную мукой поверхность и месите в течение 8 минут, пока оно не станет гладким и эластичным. Насыпьте на тесто семена тмина и замесите внутри так, чтобы они равномерно распределились по всему тесту.

Смажьте растительным маслом глубокую миску. Поместите в нее тесто, накройте влажной тканью, поставьте в теплое место и дайте подняться в течение часа или пока объем не увеличится вдвое.

Разогрейте духовку до 180 °С.

Положите тесто на слегка посыпанную мукой поверхность и разделите на три части. Каждой из них придайте форму буханки и поместите на смазанные маслом противни. Накройте и дайте подняться примерно в течение часа, пока объем не увеличится вдвое.

Выпекайте примерно 35 минут.

Глава 6

Лето 1988 года

Рурк Макнайт старался не слишком выказывать свое волнение по поводу поездки в летний лагерь. Он боялся, что отец заметит, с каким нетерпением он этого ждет, и запретит туда ехать. Всю дорогу от 6-й авеню до Центрального вокзала Рурк сидел тихо, глядя на дорогу сквозь тонированные пуленепробиваемые стекла лимузина. Шел дождь, настоящий летний ливень, из-за которого от горячего асфальта поднимался пар.

На переднем сиденье рядом со своим отцом ехал лучший друг Рурка Джоуи Сантини. Насколько Рурку было известно, мистер Сантини работал у Макнайтов водителем с незапамятных времен. То, что Джоуи оказался ровесником Рурка и они с отцом – миссис Сантини с ними уже не было – жили в особняке Макнайтов, было настоящей удачей. Иначе Рурк рос бы в одиночестве, ведь тогда ему не с кем было бы играть, кроме терьеров миссис Граммонд. Несмотря на установленную стеклянную перегородку между водительским сиденьем и салоном, Рурк всю дорогу видел, как Джоуи и мистер Сантини разговаривают и смеются. Какой контраст по сравнению с гнетущей тишиной шикарного салона лимузина.

Несмотря на свой двенадцатилетний возраст, Рурк ехал в летний лагерь впервые.

Его отец был против. А когда отец говорил «нет», это означало «нет». Точка. Вот и весь разговор.

Но все изменилось, когда произошли сразу два события. Семья Баллами сделала крупное вложение в сенаторскую кампанию. А еще Дрэйтон Макнайт получил должность в комитете, и ему требовалось надолго уехать на Дальний Восток для обсуждения торговых соглашений, которые принесли бы прибыль округу.

Поэтому сейчас было целесообразно отправить Рурка на все лето в лагерь «Киогу», который принадлежал Беллами и располагался среди Катскиллских гор. В молодости мать Рурка ездила в «Киогу» и считала, что сыну тоже не помешает там побывать.

Желая распрощаться с родителями на все лето, Рурк сделал вид, что идея ему не понравилась. Пришлось притвориться, что, как и отец, он этим обеспокоен. Пришлось даже прикинуться недовольным тем, что Джоуи едет в этот лагерь вместе с ним. Рурк знал: поездка в лагерь стоит бешеных денег. Его семья, в отличие от Джоуи, легко могла себе это позволить. Джоуи же предоставили путевку в лагерь за счет школы. Конечно же к этому приложил руку отец Рурка.

И не по доброте душевной. Дрэйтон Макнайт был законченным параноиком. По крайней мере, так считал Рурк. Он был странным. Отец посылал Джоуи в тот же лагерь, чтобы Рурк не оказался в одиночестве среди незнакомых ребят. Каким-то образом беспокойство по поводу мнимых покушений на семью дарило отцу Рурка ощущение собственной значимости. А больше всего Дрэйтон Макнайт хотел именно этого. Почувствовать себя значимым.

А еще он хотел чувствовать свою безупречность. Нет, думал Рурк. Лишь *выглядеть* безупречным. Выглядеть так, словно у тебя безупречная семья и безупречная жизнь. «Сделай так, чтобы я мог тобой гордиться» – вот что Рурк слышал от отца чаще всего. Как понял Рурк, это было чем-то вроде негласного закона. Он должен побеждать во всем. Получать только пятерки в школе. Должен научиться использовать свою внешность и уверенную улыбку, чтобы обезоруживать остальных. И тогда на выборах люди будут отдавать голос за его отца.

Для Рурка все это не составляло труда. Он был сильным и легко побеждал в любых соревнованиях. Что касается хороших оценок, от Рурка требовалось только слушать учителя и отвечать то, что от него ожидали услышать. Рурку, сыну политика, это не доставляло проблем.

Ему не терпелось поскорее оказаться в «Киоге», где на его оценки всем наплевать. Рурк закусил губу, чтобы сдержать улыбку.

– Твои волосы слишком отросли, – внезапно сказал отец. – Джулия, почему бы не сводить Рурка к парикмахеру, прежде чем мы отпустим его на целое лето?

Рурк боялся пошевелиться. Настал критический момент. Из чистой прихоти его отец мог приказать вернуться в город, где в старомодной парикмахерской ему снова выстригут проплешины вокруг ушей.

Рурк продолжал смотреть в окно. По стеклу ртутными дорожками стекали серебристые капли. Он заметил две из них, что катились рядом, и загадал, какая придет первой. Сначала заветная капля была впереди, потом отстала, слилась с другими и затерялась.

– Рурк недавно стригся, – сказала мама. Ее голос звучал спокойно и уверенно. Она всегда так говорила, когда не хотела портить отцу настроение. – Он всегда так стрижется, – добавила она.

– Он похож на девчонку. – Сенатор наклонился к Рурку. – Ты хочешь провести все лето, будучи похожим на девочку?

– Нет, сэр. – Рурк продолжал смотреть сквозь залитое дождем стекло. Он задержал дыхание и взмолился, чтобы отец не приказал повернуть назад в город.

– Хорошая прическа, – стояла на своем мама.

Да, мама, это один из способов, подумал Рурк, один из способов противостоять этому ублюдку.

– Милдред фон Дойзен говорила, что трое ее сыновей едут тем же поездом, – продолжала она. – Рурк, было бы неплохо, если бы ты их нашел и присоединился.

Есть, подумал Рурк, видя, что эта тема отвлекла внимание отца. И все благодаря маме. Возможно, она была не способна противостоять отцу, но зато точно знала, как тактично отвлечь его внимание. Фон Дойзены были одним из самых богатых и влиятельных семейств в округе, и каждый раз, когда отец имел возможность завязать с ними контакт, он непременно ею пользовался.

– Я обязательно их разыщу, – поспешил сказать Рурк.

– Сделай это, сын. – Отец, очевидно, уже забыл о прическе.

– Да, сэр.

А потом, слава богу, они приехали на вокзал. Здесь былолюдно. Вещи Рурка извлекли из багажника и убедились, что билет и дорожные документы при нем. Воздух наполняли гудки автомобилей, свист и крики носильщиков. Мраморная арка вела в зал, полный путешественников, попрошаек и торговцев. К Рурку и его родителям подошел мистер Сантини. Он раскрыл над ними зонт, укрывая от дождя. Джоуи не стал себя утруждать. Он натянул капюшон своей ветровки, перепрыгнул через лужу и первым забежал под крышу вокзала.

Рурк шел между родителями. Припарковав машину, мистер Сантини догнал сына. Макнайты остановились перед большим табло, проверили номер поезда, который уже прибыл на платформу. Некоторые из прохожих бросали на них восхищенные взгляды. Такое часто случалось, когда Рурк и родители куда-то выходили. Вместе они являлись воплощением идеальной американской семьи: светловолосые, пышущие здоровьем, хорошо одетые, состоятельные. Иногда Рурк ощущал невысказанную зависть. Они хотели быть такими же.

Знали бы они, каково это.

Рурк незаметно отошел от родителей. Они с Джоуи обменялись взглядами. В глазах Джоуи плясали искорки веселья. Некоторые девчонки из их футбольной лиги говорили, что Джоуи похож на парня из музыкальной группы. Рурк ничего в этом не понимал, но улыбка Джоуи была заразной. *Лагерь*, ликовал Рурк, зная, что Джоуи понимает его молчаливую радость. *Мы уезжаем в лагерь*.

Рурк думал, а понимает ли Джоуи, как много это для него значит и как он им восхищается. Если бы не Джоуи, он бы никуда не поехал. Сначала, когда зашла речь о лагере «Киога», отец Рурка с ходу отверг эту идею. И тогда Джоуи как бы между прочим назвал имена детей из

школы, которые туда поедут. Джоуи притворился, что разговаривает с Рурком, но при этом он осторожно упомянул фамилии наиболее влиятельных семей, которыми Дрэйтон Макнайт восхищался и чьей поддержки добивался. Рурк убедил родителей, что неплохо было бы отправить в лагерь Джоуи, и это подтолкнуло их к окончательному решению.

Все подошли к поезду, и Рурк попрощался с родителями. Они с отцом пожали друг другу руки, при этом отец на мгновение так сильно стиснул кисть Рурка, словно хотел оставить отпечаток.

– Никогда не забывай, кто ты, – сказал отец. – Сделай так, чтобы наша семья тобой гордилась.

Рурк посмотрел отцу прямо в глаза:

– Да, сэр.

Потом отец окинул взглядом людей на платформе. Вот он стоит здесь, прощается с сыном, который уезжает на целых два с половиной месяца. Сенатор работал на публику, завоевывал сердца новых избирателей.

По крайней мере, это дало матери Рурка возможность сказать ему пару слов на прощание. Она крепко обняла сына. Сейчас Рурк был немного выше ее, и маме было удобно шептать ему на ухо.

– Ты замечательно проведешь время, – сказала она. – Лагерь «Киога» просто... восхитителен.

– Джулия, – раздался голос сенатора, – нам пора.

Мама еще раз напоследок обняла Рурка.

– Не забывай писать.

– Не забуду.

Рурк стоял на платформе и смотрел им вслед, стройным фигурам, одетым в плащи по последней моде. Мать по привычке взяла отца под руку. Глаза Рурка затуманились, и родители скрылись из вида. Они теперь были не отдельными людьми, а одним существом – Сенатором-и-миссис-Макнайт.

Кругом дети прощались со своими родителями. Некоторые девочки и их матери даже плакали, обещая очень скучать и писать письма каждый день.

Мистер Сантини, похожий на медведя, обнял Джоуи и громко чмокнул его в макушку.

– Я буду скучать по тебе, как по фруктовому мороженому, сынок! – рыдал мистер Сантини, ни на кого не обращая внимания.

Рурк задумался, каково это – иметь семью, по которой действительно скучаешь.

Лагерь «Киога», как и обещала мама Рурка, действительно был восхитительным. Рурк и Джоуи жили с десятью другими мальчиками в домике, который носил название хижины «Тикондерога». Каждый день их ожидало нечто интересное: спортивные игры и мастер-классы, походы, скалолазание, купание и катание на лодке на озере Уиллоу, разговоры возле ночного костра. Иногда приходилось петь и танцевать. Рурк бы охотно от этого воздержался, но отказаться возможности не было, потому что участвовали абсолютно все.

Рурк умел легко смиряться с тем, что он делать не любил. Это, по крайней мере, было лучше, чем танцевать в паре с какой-нибудь хихикающей девицей с потными ладошками и бормотать под нос: «Раз, два, три, раз, два, три...»

В лагере Рурк познакомился с несколькими Беллами. Мистер и миссис Чарльз Беллами, владельцы и директора лагеря, показались ему довольно добрыми людьми.

– Законопроект о защите дикой природы многое значит для нас. Благодаря твоему отцу мы больше не боимся, что лагерь придется закрыть из-за развивающейся индустрии, – сказала миссис Беллами в первый день. – Должно быть, ты очень гордишься своим отцом.

– Да, мэм. – Рурк больше не знал, что сказать. *Да, он хорошо делает свою работу, но дома ведет себя как полный ублюдок.* Сказать такое – все равно что испортить воздух в церкви.

– Мы очень рады, что ты приехал, – продолжала миссис Беллами. – Я помню твою мать. Джулия... Делани, кажется, так ее звали в девичестве.

– Да, мэм.

– Она была всеобщей любимицей. Всегда такая веселая. Постоянно над кем-то подшучивала, а как-то раз на Ночь талантов Джулия приготовила такой номер, что мы все валялись по полу от смеха.

Рурк этому не верил, но как-то в дождливый день, когда все мероприятия на свежем воздухе были отменены, а Джоуи был в экспедиции, миссис Беллами показала ему несколько архивных фотоальбомов из библиотеки. Все альбомы хранились в главном зале: огромные стопки в несколько рядов, выстраиваемые с 1930 года. Они являлись сердцем лагеря «Киога», вмещающая и обеденный зал, и библиотеку с лазаретом, кухней и кабинетами.

И конечно же эти альбомы хранили несколько снимков веселой матери Рурка. Он никогда не видел у мамы такой улыбки. Она выглядела такой невероятно счастливой, что Рурк едва ее узнал.

Он поблагодарил миссис Беллами за то, что она поделилась с ним историей лагеря. Рурк просидел в библиотеке, пока не кончился дождь. Он перечитал кучу книг, от детективов и книг по орнитологии до классики и ужасов. Еще долго после того, как закончился дождь, Рурк листал книги, пытаясь представить для себя другую жизнь. Маленькими они с Джоуи часто говорили о том, чтобы вместе пойти в армию и путешествовать по миру. Но потом Рурк и Джоуи стали старше, и мечты померкли. К двенадцати годам Рурк уже ощутил всю тяжесть ожиданий, возложенных на него отцом, а Джоуи познал реалии жизни рабочего класса.

Рурку было интересно, что сейчас делает Джоуи. Каждый мальчик должен был, хотя бы раз за лето, отправиться в экспедицию в одиночестве. Нужно было провести ночь на острове, маленьком клочке земли, расположенном посреди озера Уиллоу. Главный воспитатель, Грег Беллами, младший сын владельцев лагеря, сказал: «Это закаляет характер. А если вы испугаетесь, то, по крайней мере, кишечник очистится». Нужно было развести костер и подумать о важных вещах, хотя Рурк подозревал, что Джоуи всего лишь занимается делом обычным для парней их возраста.

Из размышлений Рурка вывел гудок машины. Рурк подошел к окну и увидел белый фургон. На бортах фургона была изображена река, а красивая надпись гласила: «Пекарня «Скай-Ривер». Основана в 1952 году».

Рурк уже успел стать поклонником лагерной кухни, а особенно выпечки, которую здесь подавали. Хлеб и булочки, пирожные из слоеного теста, пончики и десерты были восхитительно вкусными.

Рурк уже собирался вернуться к полкам с книгами, но вдруг заметил, как к фургону подошли трое парней. Они были из того же домика, что и Рурк: Джейкоб, Трент и Робсон. Рурк не был с ними близко знаком, но знал, что они законченные подонки. Им нравилось издеваться над теми, кто слабее. К Рурку они не лезли. Казалось, они принимают его за одного из своих, хотя Рурк в их делах никогда не участвовал.

Но сейчас эта троица ни над кем не измывалась. Они крали. Забрались в кузов машины и набивали рот и карманы булочками с высоких полок.

Сволочи. А ведь эти булочки – чьи-то деньги на пропитание. Несмотря на то что у Рурка не было опыта зарабатывания денег, благодаря Джоуи и его отцу он имел об этом представление. И прекрасно понимал, что водитель фургона вряд ли может позволить себе вот так просто раздавать булочки богатеньким детям из летнего лагеря.

Рурка охватило неприятное чувство. Если вмешается, то на все оставшееся лето превратится в «стукача». Но если этого не сделает, то возненавидит себя за трусость.

Когда Трент схватил целый пирог, Рурк решился. Он уже почти устремился к выходу, но тут из фургона кто-то вышел. Это была темноволосая девочка, которая, очевидно, сидела на пассажирском сиденье. Ей было примерно столько же лет, сколько и Рурку. Возможно, чуть меньше. Две косы, красная футболка, шортики, незашнурованные кеды. Обычная девчонка.

Но при взгляде на нее Рурк почувствовал нечто странное, хотя и не понимал причины. Было в ней какое-то необычное очарование. Эти большие глаза и забавное выражение лица...

И в данный момент эту девочку грабили.

Рурк не слышал, что девочка говорила этим трем придуркам, но был уверен: они ее не слушают. Они продолжали жрать булочки. И продолжали хватать сладости, несмотря на то что уже набили желудки до отказа.

Девочка продолжала что-то говорить. Возможно, она была на стороне этих недоумков. Возможно, не возражала против кражи хлеба.

А может, Рурк неправильно понимал ситуацию?

Он бросился к выходу, сбежал по лестнице и обогнул здание кухни. В окне он увидел водителя фургона, человека намного старше его. Тот сидел и разговаривал с миссис Романо, которая заведовала кухней. Они не обращали внимания на то, что творится на улице. На кухне громко играло радио. Рурк завернул за угол здания и увидел... Он не сразу осознал, что именно увидел. Трент прижимал девочку к борту фургона, и они... тискались? целовались? Рурк почувствовал отвращение и готов был повернуть назад, но кое-что его остановило. Трент держал ее за запястье и прижимал к борту фургона. Другая рука девушки была в страхе вскинута вверх, подобно руке утопающего.

С Рурком что-то произошло. Он словно услышал над ухом щелчок. Ему вдруг стало очень жарко, как будто он оказался в центре лесного пожара.

– А ну-ка, отвали от нее! – сказал Рурк, и его низкий голос заставил всех троих парней оглянуться.

Трент оскалился в ухмылке:

– Эй, Макнайт. Скушай булочку и дождись своей очереди.

Теперь Рурк был близко и мог рассмотреть капельки пота над верхней губой девочки и страх в ее глазах. Он схватил Трента и одним быстрым сильным движением оттолкнул. Трент был крупным и тяжелым. Но Рурк с легкостью повалил его на землю.

Двое других очнулись от шока и бросились на Рурка. Но он даже не сбавил скорости. Резко вскочив, Рурк ударил Джейкоба в лицо головой и локтем выбил из Робсона дыхание. Тот зашатался. Трент несколько раз ударил Рурка, но тот этого даже не почувствовал. Он не дал Тренту сдачи. Только сцепил руки и, невзирая на жалобное блеяние Трента, бил четко и методично.

В конце концов через гнев Рурка что-то прорвалось. Он даже не понял, каким образом почувствовал легкое трепетное прикосновение к своему плечу.

– Перестань, – слышался тихий, дрожащий голос. – Хватит.

Внутренний огонь Рурка колыхнулся и погас. Трент с трудом поднялся на ноги. На его окровавленном опухшем лице застыла маска страха.

– О господи, – произнес он, вытирая кровь тыльной стороной кисти. – Ты чуть не прибил меня. Ты просто псих. Невменяемый.

Друзья увели Трента. Возможно, в лазарет. Рурк смотрел им вслед. Он почувствовал себя опустошенным, как будто гнев сжег в нем все чувства.

– Эй, – позвала девочка.

Рурк резко повернулся к ней, и она отскочила, выставив вперед руки для защиты. Ни с того ни с сего Рурк почувствовал смущение, как будто девочка увидела его голым или что-то вроде того.

– Эй, – ответил Рурк и заставил себя расслабиться и показать, что он не причинит вреда.

– В машине есть аптечка. Идем. – Девочка обошла фургон и достала ящик с медикаментами. – Вытяни руки.

К удивлению Рурка, кожа на костяшках покраснела и кое-где треснула. Девочка промыла, продезинфицировала трещины и наложила лейкопластырь.

Рурк поразился своей вспышке ярости, но это было не в первый раз, когда он вставал на чью-то защиту. С ним случалось что-то невероятное. Когда Рурк видел подонка, который издевается над кем-то... даже над собакой, он начинал его ненавидеть, люто ненавидеть. Он становился... как там сказал Трент? Невменяемым. В прошлом году, когда он увидел, как какие-то парни из школы дразнят Джоуи за его длинные волосы и миловидное лицо, Рурк отогнал их, лишь пригрозив низким страшным голосом. Если бы дело дошло до драки, он мог бы их искалечить.

– А теперь займемся твоей щекой, – сказала девочка.

– Моей щекой? – Рурк повернул боковое зеркало фургона и был удивлен: на его скуле виднелся беловатый порез. – Я даже не почувствовал.

Девочка продезинфицировала порез.

– Он почти не кровоточит. Но возможно, потребуется наложить швы.

– Ни в коем случае. Тогда они сообщат моим родителям и меня заберут домой.

Если ему придется сейчас уехать из лагеря, он этого не вынесет. Стоит только позвонить его родителям, как мать отправит его самолетом на гору Синай к пластическому чудо-хирургу, который будет спасать его лицо.

Вблизи девочка оказалась еще красивее. Рурк видел ее золотисто-карие глаза, россыпь веснушек, чувствовал ее фруктовый аромат. Какой-то темной своей частью Рурк внезапно понял, почему Трент так хотел украсть ее поцелуй.

Прекрати, сказал Рурк самому себе. Даже не думай об этом. Однако он удивился тому, что девочка так же неотрывно смотрела на его губы и на его грудь в прорехе разорванной рубашки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.